

ЛЕОКА ХАБАРОВА

СКВОЗЬ МРАК

Леока Хабарова

Сквозь Мрак

«Автор»

2026

Хабарова Л.

Сквозь Мрак / Л. Хабарова — «Автор», 2026

Пропавший экспедиционный лайнер внезапно подаёт сигнал SOS. И не откуда-нибудь, а из глубин запретной зоны. Воздушный Союз поручает спасательную операцию Никласу Холфу – опытному пилоту и герою войны. Мрак – место смертельно опасное, и без напарника там делать нечего. Благо напарник имеется: проверенный, надёжный. Но у судьбы свои планы, и в аномальную зону приходится лететь со вчерашней выпускницей лётной школы. Она красива, молода, неопытна... и явно что-то скрывает. Увы, приказ есть приказ. Придётся им стать настоящей командой, ведь иначе во Мраке не выжить...

© Хабарова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	13
ГЛАВА 4	17
ГЛАВА 5	21
ГЛАВА 6	25
ГЛАВА 7	29
ГЛАВА 8	32
ГЛАВА 9	36
ГЛАВА 10	39
ГЛАВА 11	42
ГЛАВА 12	47
ГЛАВА 13	50
ГЛАВА 14	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Леока Хабарова

Сквозь Мрак

ГЛАВА 1

Ник

Петеру оторвало кисть и раздробило ноги до колена. Двенадцать часов он провалился под обломками моноплана, надышался испарениями и впал в кому.

Никлас узнал об этом вчера – телеграмму доставили прямо на генеральский банкет, – а сегодня, за час до рассвета, пришвартовал «Акулу» в главном порту Астры.

Служащие вытянулись по струнке и взяли под козырёк, когда он проходил по взлётно-посадочной полосе. Глаза парней горели, и Ник не стал их разочаровывать – отсалютовал каждому.

Мальчишки... Грезят войной да не знают, как она выжигает душу.

Впрочем, тут и без войны бед хватает: испарения, внезапные налёты «Скворцов», возмущения Мрака, а теперь вот Петер...

Петер! Это как же тебя угораздило, с твоим-то опытом?

В порту никто не встретил, и Ник двинул к трамваям. Узкие – метра полтора, не шире – высоченные трёхэтажные кибитки разогнались в момент и, грозно звеня, стрелой летели по бесконечно длинной стальной рельсе.

Астрийцы невероятно гордились этими монстрами, считали их народным достоянием и негласным символом города. «Гласный» же символ – шестнадцатилучевая звезда с чередующимися большими и малыми лучами – красовалась во лбу каждого трамвая, аккурат промеж круглых, до смешного пучеглазых фар.

Ник как ветерану полагался бесплатный проезд, но он всё равно купил и прокомпостировал билет. Поднялся на третий этаж, уселся и глянул на часы. До отправления оставалось четыре минуты. Ник откинулся на спинку, шумно выдохнул и смежил веки. Ночь за штурвалом и банкет накануне не прошли бесследно: голова гудела, хоть откручивай. Виски пульсировали болью. Генерал убеждал потерпеть до утра, выспаться как следует или хотя бы переодеться, но Ник не мог ждать: старина Петер попал в беду.

Почти шесть лет они летали вместе, и Ник не сомневался: напарник без особого труда посадит лайнер на макушку айсберга, даже если глаза завязать – Петер ладил с техникой, а небо любило его, как родного сына. Так что же случилось во время учебного вылета? Как вышло, что старина Петер разбился?

Проклятье...

– Доброе утро, любимая Астра! – мелодичным девичьим голосом пропел громкоговоритель на площади. – За бортом шестьдесят четыре градуса, давление соответствует норме. Погода лётная. Город дрейфует на пятьдесят пятой северной широте. Скорость дрейфа два узла. Высота над уровнем заражения двести девяносто четыре метра. Курс конденсата стабилен. В ближайшие часы ожидаются некритичные возмущения Мрака. Магнитозависимым людям настоятельно рекомендуется...

Ник так и не узнал, что именно рекомендуется магнитозависимым людям: трамвай звякнул, рванул с места и помчался так, что захватило дух: до сотни пучеглазая кибитка разогналась за десять секунд.

– К нему нельзя! – дородная сестра в белоснежном халате решительно преградила путь, уперев руки в крутые бока.

– Мне – можно, – заявил Ник и, отстранив ретивую санитарку, шагнул в палату.

На Петера было страшно смотреть. Забинтованный, загипсованный, весь в каких-то трубках, он лежал на койке и напоминал мумию. Лицо осунулось и приобрело характерный землистый оттенок – первый признак глубокого заражения.

– Поражение тканей третьей степени, – сообщил вошедший следом военврач, и Ник скрежетнул зубами. Плохо дело! – Левую ногу чудом сохранили. Правую пришлось отнять.

– Он будет жить? – Про «летать» Ник не спрашивал. Для Петера «жить» уже равнялось «летать», а потому подобные вопросы были неуместны.

– Мы прилагаем все усилия.

– Не сомневаюсь. – Это было правдой. Столичный госпиталь славился на весь Воздушный Союз. Местные протезисты творили настоящие чудеса, а врачи нередко вытаскивали пилотов и вездеходчиков с того света.

Петер в хороших руках. Ник понимал это, поэтому от дальнейших расспросов воздержался.

– Дайте знать, как будут изменения, – сказал он, и военврач кивнул.

– Всенепременно, мастер Холф.

– Честь имею, – отсалютовал Ник.

Он бросил взгляд на старого друга и крепя сердце покинул госпиталь: к восьми его ждали на аэродроме.

Полковник Хей предложил ему кофе. Хотя... «предложил» – громко сказано. Молча плеснул из кофейника в чашку и так же молча поставил перед носом: пей.

– Я хочу знать, как всё случилось, – потребовал Ник. – В деталях.

Полковник – коренастый, грузный и плечистый, с пышными седыми усищами, проплешиной на голове и орденовыми лентами на тёмно-синем кителе – уселся напротив и сцепил пальцы в замок. Он молчал целую вечность. Тишина повисла густая, давящая, как обычно бывает в помещениях со сверхплотной шумоизоляцией, и только часы на стене громко тикали. Стрелка неумолимо ползла по цифрам. Римским цифрам – другими в Воздушном Союзе не пользовались, так уж повелось.

Наконец Хей заговорил.

– Петер вёл группу, – сказал и пригубил кофе. – Учебный маршрут, ничего особенного. За сорок второй параллелью трое отстали. Петер дал круг – подхватить, а когда вернулся... – Полковник повёл плечом. – «Скворцы» вынырнули из-за туч и сели птенцам на хвосты. Плотно сели, вшестером. – Он снова помолчал. Выдвинул ящик, извлёк фляжку и подлил в кофе коньяка. – Будешь?

– Нет.

– Твой товарищ принял бой. Разрядил всю обойму до последней железки, а потом вышел на таран лоб в лоб. Птенцов спасал, ценой собственной жизни. – Ник понурил голову и с хрустом стиснул кулаки. Полковник смерил его понимающим взглядом. – Ты поступил бы так же, сынок. Вы с Петером одним миром мазаны.

– Самописец... – начал Ник, но Хей отмахнулся.

– Обуглился. Отдали спецам. Разбираются.

– Я должен увидеть отчёт.

– Увидишь, – уверил полковник. – Но позже. Сейчас на повестке другие задачи.

– «Лиственница», – проговорил Никлас.

– «Лиственница», – кивнул Хей. Он прикончил кофе и ничтоже сумняшеся плеснул в опустевшую чашку коньяка. – Точно не будешь?

– Нет, – повторил Ник и вернул разговор в нужное русло: – Полагаю, операция отменяется?

Полковник вскинул кустистые брови.

– С чего бы?

– Ведомый в коме, – с холодком в голосе напомнил Ник.

– Зато ведущий цел и невредим, – кривовато улыбнулся Хей. – Тебе назначили новое сопровождение. Приказ с самого верха. – Он красноречиво воздел к потолку указательный палец.

– Оперативно! – усмехнулся Никлас, откинулся на спинку и скрестил руки на груди. – И кто же это, позвольте узнать? Крамов? Гавранович? Флосс?

– Не Крамов. – Полковник поймал его взгляд. – И не Гавранович. И уж тем более не Флосс.

– А кто же тогда?

– У нас много талантливых пилотов. – Хей допил коньяк, поднялся, оправил китель и подхватил со стола фуражку. – Пойдём. Твоё новое сопровождение как раз в небе. Посмотришь. Оценишь. Заодно и познакомитесь.

Крис

– Как думаешь, какой он? – Тати взмахнула густыми длинными ресницами и подпёрла подбородок кулаком. Тёмно-карие газельи глаза так и горели любопытством.

– Полагаю, самый обычный, – пожала плечами Кристиана. Она была занята: разбирала вещи и складывала аккуратными стопками. – Такой же, как все. Две руки, две ноги...

– Он не может быть как все! – Тати всплеснула руками. – Он – герой! Герой, понимаешь?

– Возможно, – не стала спорить Крис. Форменные майки и гимнастёрки занимали сейчас всё её внимание.

Упаковаться требовалось к вечеру, а урвать часок-другой между тренировками и учениями – та ещё задача! Осталось взять ремни и папу. Ремни лежали в нижнем ящике, а папа стоял на комодке. В серебристой рамочке, под стеклом. Каждое утро Крис приветствовала его, а перед отбоем желала спокойных снов. На фото папа был совсем молодой, не старше тридцати. Лихой, плечистый, в лётном комбинезоне, шлемофоне и старомодных кожаных перчатках до локтя, он стоял у своего легендарного «Семицвета» подбоченясь и улыбался. Именно таким Крис запомнила его на всю жизнь.

Ивар Шторм. Лучший пилот в истории Воздушного Союза. Вот кто настоящий герой, а не какой-то там Холф!

– Тебе невероятно повезло! – Тати томно вздохнула, обняв подушку. – Как бы я хотела оказаться на твоём месте!

Крис покосилась на подругу, едва заметно покачала головой и сунула скрученный ремень в разинутую пасть чемодана.

Да уж! Верно говорят, слова – ветер. «Хотела бы оказаться»... как же! Тати бегала на свидания, пока Крис корпела над учебниками и картами. Сказывалась больной, когда Крис будила её среди ночи по тревоге или спозаранку на учения и марш-броски. Опасаясь сломать ноготь, отказывалась ковыряться в моторе на уроках технической практики, а поднимаясь в небо, мгновенно жаловалась на тошноту и головокружение. Как её до сих пор не отчислили, оставалось загадкой. Болтали, будто Тати крутит роман с полковником Хеем, но Кристиана слабо верила в подобные инсинуации: во-первых, полковник Хей слишком стар и суров для неуставных романтических подвигов, а во-вторых... Крис просто было не до сплетен. Она упорно стремилась стать первой. Сначала среди равных. Потом – среди лучших. Крис не могла,

не имела права посрамить выдающегося лётчика всех времён и народов, своего отца – Ивара Шторма, пропавшего во время выполнения боевого задания десять лет назад.

– К тому же, Холф фантастически красив! – не унималась Тати. Оставив подушку в покое, она улеглась на постели, раскинула руки и мечтательно уставилась в потолок. – Видела его снимок в «Небесном вестнике»? Такой весь статный, темноволосый. А взгляд... как у сокола!

Крис не имела понятия, какой у сокола взгляд, поэтому просто скептически фыркнула и принялась кутать папу в полотенце – не хватало ещё повредить стекло!

– Холф красив, и это важно! – многозначительно повторила Тати.

Кристиана наконец закончила со сборами, опустила крышку чемодана и защёлкнула замки.

– Куда важнее, что он сбил шестьдесят два вражеских истребителя и подорвал эсминец над Лаамом, – сказала она.

Теперь уже фыркнула Тати.

– Ничего ты не понимаешь!

Вместо ответа Крис присела на постель рядышком и крепко обняла подругу.

– Я буду скучать.

– Я тоже! – Тати прижалась крепче. – Напишешь?

– Сразу, как доберёмся до базы, – пообещала Крис.

Тати кивнула.

– Береги себя, Крис. Ты ещё не уехала, а мне тебя уже не хватает!

Кристиана улыбнулась. Пусть Тати и не стала блестящим пилотом, зато другом была пре-отличным! Даже несмотря на свою невероятную влюбчивость.

Оповещатель под потолком затрещал и хрипло пробубнил:

– Гроза, на взлёт. Учебный вылет. Пять минут.

Ох, же!

Кристиана мигом натянула комбинезон и вылетела из комнаты, как ошалелая. Она мчалась по переходам авиабазы, а механик уже поджидал в ангаре, держа наготове шлемофон и парашютные лямки. Шлемофон Крис подхватила, а лямки проигнорировала – слишком уж долго надевать. Она запрыгнула в кабину, пристегнулась и стянула очки с макушки на глаза.

– Уровень конденсата в норме, – отрапортовала, переключая датчики. – Давление в норме. Приборы исправны. Запрос на взлёт.

– Взлёт разрешён, – отозвался голос в шлемофоне.

– От винта! – скомандовала Крис и запустила двигатели.

Пропеллер затрещал.

Машина – лёгкая учебная «Единица» – шустро пробежала по укороченной ВПП и, набрав нужную скорость, взмыла в воздух.

ГЛАВА 2

Ник

По первости Ник не поверил ушам. Знамо дело – в таком рокоте недолго и оглохнуть. Он попросил повторить. Хей повторил.

– Вы что там все, с ума посходили? – чтобы перекричать шум моторов приходилось орать во всю глотку. – Решили мне курсанта навязать?!

– Это утверждено!

– Что?

– Это утверждено!!! – крикнул полковник во всю мочь и, тыкая пальцем в небо, добавил: – Распоряжение сверху! Обсуждению не подлежит. К тому же, это не курсант.

– А кто?

– Что?

Ник набрал воздуха и гаркнул:

– Кто, если не курсант?

– М...ший...струк...ор! – шум заходящей на посадку полосатой красно-белой «Двойки» проглотил добрую половину звуков. – Выпуск позапрошлого года.

Ник мысленно выматерился: как же! Велика разница! Младший инструктор равно вчерашний курсант. Кому вообще пришла в голову эта затея?!

– Надо продвигать молодых! – проорал Хей ему в самое ухо. – Такая установка!

Да уж... Хороша установка! Курсанта в первых же слоях Мрака разматывает так, что костей не соберёшь. Отправить неоперившегося птенца на такое задание – форменное убийство.

– Я отказываюсь! – заявил Ник так громко, как только мог. – Требую снять меня с операции. Немедленно!

– Что?

Ник повторил, но полковник его не услышал: три тяжёлых штурмовика взмыли в воздух один за другим. Пришлось повторять снова.

– Нельзя, сынок. – Хей наконец уловил, о чём он толкует. – Нарушишь приказ – отстранят от полётов.

– Надолго?

– Навсегда.

Никлас опять подумал, что ослышался, но взгляд полковника – прямой и гранитно-твёрдый – не оставил сомнений.

Проклятье!

– Смотри! – Хей схватил его за рукав и указал в небо. – Видишь?

Серебристая «Единица» с римской девяткой на фюзеляже и шестнадцатилучевыми «астродами» на крыльях стремительно набирала высоту, расчерчивая синеву долгим индукционным следом.

«Так вот ты какой, новый напарник», – подумал Ник и, приставив ко лбу ладонь козырьком, принялся наблюдать.

Набрав высоту, «Единица» дважды перевернулась «бочкой», а потом зашла в «кобру» – вытянулась носом вверх под углом в девяносто градусов и тут же вернулась в горизонт.

Что ж... неплохо. Особенно для птенца.

Ник уже вознамерился озвучить это вслух, но «Единица» дала круг и...

– Он что, на «иммельман» замахнулся? – прищурился Никлас.

– Как видишь, – хмыкнул полковник. – Говорю же, у нас много талантливых пилотов.

Ник сардонически скривился: даже если курсант осилит полупетлю, на предельно малую высоту выйти не сможет – навыка не хватит. А без этого навыка поворот Иммельмана – просто эффектный трюк, не более.

Однако «Единица», благополучно перевернувшись в петле на сто восемьдесят градусов, прошла так низко, что с Ника сорвало фуражку.

– Видал? – с гордостью спросил полковник. Свою фуражку он предусмотрительно снял и держал под мышкой.

Ник кивнул.

По ВПП побежали сигнальные огни. Ловцы замахали флажками: «Единица» шла на посадку.

– Ну и как зовут этого твоего сорвиголову? – поинтересовался Ник, всё ещё пристально наблюдая за самолётом. Шасси со скрипом коснулось полосы. Сработал тормозной парашют: «Единица» благополучно приземлилась.

Полковник как-то странно посмотрел на него.

– Крис, – сказал он. – Сейчас я вас представлю.

Тот, кого назвали Крисом, выбрался из кабины и ловко спрыгнул на прорезиненное покрытие.

– А чего мелкий такой и тощий? – удивился Ник, разглядывая узкоплечую фигуру в песочном комбинезоне. – Его первая же медкомиссия за несоответствие завернёт.

– Не завернёт, – возразил полковник и сморщился: два штурмовика с рёвом зашли на вираж. – Соответствие полное.

– Да какое там соответствие... – начал было Ник и осёкся: птенец стянул шлемофон... и по узким плечам рассыпались золотистые локоны.

Ник скрежетнул зубами. Твою же мать! Этого ещё не хватало!

Он грозно навис над полковником и, максимально понизив голос, злобно выцедил:

– Сдурели?! Я не полечу через Мрак с девчонкой!

– Ещё как полетишь, – так же злобно шикнул полковник и тут же одарил приближающуюся девицу лучезарной улыбкой. – О! Кристиана! Ты просто великолепна. Высший пилотаж!

Никлас покосился на Хей. Если бы он не знал полковника сто лет, подумал бы, что у бедолаги поехала крыша: растёкся лужей перед какой-то пигалицей и расточает комплименты. Ну и ну!

– Рада стараться, мастер Хей, – девушка вытянулась по струнке и отдала честь.

– Позволь представить, – полковник указал на Ника, – Никлас Холф. Пилот первого класса. Ветеран Трёх Войн, кавалер Ордена Мужества и дважды Герой Воздушного Союза.

Из уважения к сединам полковника, Ник щёлкнул каблуками и боднул головой, как того требовал порядком устаревший Астрийский этикет.

Девушка смерила его равнодушным взглядом ничем не примечательных серо-зелёных глаз. Не зарделась, не улыбнулась, и даже ни разу не охнула. В общем, вела себя так, будто встреча с прославленными героями для неё – обыденность, не более. Никлас отвык от подобных взглядов: обычно на него смотрели с обожанием и благоговением. А уж юные девицы – так тем более!

Все. Кроме этой...

– Благодарю, полковник, – девица отсалютовала по уставу. – Майор Холф так знаменит, что в представлении не нуждается.

Крис

Холф учтиво поклонился. Но что толку от учтивости, когда глаза горят презрением?

Он не хотел брать её в сопровождение. Это ясно, как белый день. И причины вполне понятны...

– Кристиана Шторм – пилот четвёртого класса, младший инструктор, лучшая выпускница позапрошлого года, – озвучил полковник её скромные регалии.

Взгляд Холфа мгновенно вспыхнул интересом. Обычное дело! Так бывало всегда, стоило кому-то услышать заветное «Шторм».

– Однофамилица? – спросил Холф.

– Дочь, – сообщила Кристиана.

Холф посмотрел странно. Даже рот приоткрыл, будто хотел что-то сказать, но сдержался и передумал.

– Ваш отец был моим кумиром, – наконец изрёк он после вынужденной паузы (треклятые штурмовики зашли на второй круг).

Кристиана кивнула.

– Моим тоже.

Беседовать с человеком, о котором читала в учебниках, было странно, но тушеваться Крис не привыкла. Едва узнав о назначении, сразу настроила себя: Никлас Холф такой же человек, как все остальные. Ну, подумаешь, герой. Мало ли героев на свете? Ему просто повезло выжить. Вот и всё.

– Стартуем через пять недель, – сообщил полковник, когда они разместились в его сурово-аскетичном, но уютном кабинете. На столе лежала карта изведанных слоёв Мрака. – За это время вам надо слетаться как следует. Думаю, месяца для этого вполне достаточно.

Крис кивнула и подметила, что Холф кивнул с ней одновременно.

– План «А» предусматривает внедрение в два слоя Мрака, – продолжил полковник, ткнув пальцем в карту. – Именно здесь пропал «Бесстрашный», в этом квадрате.

Крис снова кивнула. Она зазубрила наизусть все координаты. Где пропал, где перестал выходить на связь, где снова (неожиданно для всех) вышел...

«Бесстрашный» – гигантский бронированный экспедиционный крейсер. Настоящая летающая крепость. На то, чтобы поднять в воздух такую махину, уходили тонны конденсата, но оно того стоило: бронелёт мог выдержать небывалые электромагнитные нагрузки, что в условиях Мрака играло решающую роль.

– На «Четыреста четвёртом» вас ждут не раньше среды, – продолжил полковник. – Так что можете отправляться сразу после прохождения комиссии.

– Комиссии? – Холф вскинул тёмные брови. – Серьёзно?

– Вполне, – на лице полковника не дрогнул ни один мускул. – Это обязательно для всех. Герои не исключение.

Физиономия Холфа вытянулась, а Кристиана с трудом сдержалась, чтобы не прыснуть. Только губы предательски дрогнули.

Холф покосился на неё. Заметил? Вряд ли. Такие «павлины», как правило, не замечают ничего, кроме собственного отражения в зеркале. Вон, как вырядился: примчался на аэродром в парадной форме! Зачем? Покрасоваться, не иначе.

– Так точно, – глухо процедил Холф, зыркнув исподлобья.

Видимо, перспектива предстать перед комиссией в одном жетоне на голое тело не слишком его воодушевляла.

Сама Крис не боялась. Она прошла проверку неделю назад (по личной инициативе) – вряд ли с тех пор у неё развился порок сердца или упало зрение. Так что... если нужно повторить – проблем нет! Никто на всём свете не помешает ей отправиться во Мрак теперь, когда её кандидатуру окончательно утвердили. Никто! Даже этот напыщенный индюк Холф!

Слишком уж долго она к этому шла...

«Я отыщу тебя, отец, – горячо подумала она, чувствуя, как сердце заходится в груди от предвкушения великих свершений. – Узнаю, как ты погиб... или умру, пытаюсь!»

ГЛАВА 3

Ник

Дочь Шторма. Дочь самого Ивара, мать его, Шторма! Непревзойденного пилота, именем которого называют улицы! Памятники Ивару Шторму стоят в каждом городе Воздушного Союза. В лётных учебниках ему посвящены целые главы, а в каморке Латейского дома призрения, где Никлас рос, до сих пор висит на шербатаой стене выцветшая открытка: Ивар Шторм за штурвалом легендарного «Семицвета». Если бы не та открытка, если б не улыбка отважного лётчика, Никлас никогда не поднялся бы в небо. По ночам, вооружившись фонариком и укывшись под одеялом, Ник снова и снова читал об удивительных приключениях майора Шторма и мечтал, мечтал, мечтал о том, как однажды он сам, вот точно так же, поднимет в небо крылатую махину и устремится туда, где никто никогда ещё не бывал...

Едва сравнялось шестнадцать, Ник покинул сиротский дом. На выпуск каждому приютскому выдавали пятнадцать вир в ассигнациях – на первоначальное устройство жизни. За эти деньги вполне можно было снять комнату где-нибудь на окраине Латей, однако многие призорники тратили «выпускные» не по назначению: пили, кутили, гуляли на всю. Ник не пил. Не кутил. Но и комнату снимать не торопился. Он отправился в порт и купил билет третьего класса на дирижабль до Эйре. Там он поступил в лётную школу... и уже со второго курса был призван в действующую армию.

Мечты сбылись. Ник стал пилотом и прошёл за штурвалом три войны одну за другой. И всё благодаря Ивару Шторму.

А теперь дочь этого самого Шторма должна стать его сопровождением. Какая, однако, удивительная ирония судьбы...

– Мне поэтому её навязали? – Ник хмуро зыркнул на полковника, когда они остались одни. – Газетчики жаждут сенсаций? «Дочь гениального лётчика и герой войны отправляются на верную гибель» – что-то в этом роде?

– Ну-у-у... – протянул Хей. – Не надо так драматизировать! Имелась масса иных обстоятельств.

– Каких же?

– Так хочется знать? – глаза полковника лукаво сверкнули, а ухмылка спряталась под пышными усами.

– Да, – решительно кивнул Ник. – Весьма хотелось бы знать, её ли это блажь и кто согласился поддержать безумную пигалицу в настойчивом стремлении героически помереть.

– Раз так, держи. – Хей выдвинул верхний ящик стола и извлёк глянцевую карточку.

– Что это? – нахмурился Никлас. На белоснежной поверхности красовалась окружённая замысловатыми вензельками чёрная восьмёрка.

– Приглашение на бал.

– На бал? – Ник сморщил лоб. – Это шутка?

– Ни в кой мере! – полковник сунул в рот трубку. Раскурил. В кабинете запахло вишнёвым табаком. – Торжественное мероприятие в Доме Офицеров с фуршетом и танцами. Бал в лучших Австрийских традициях. Приезжай – отпадёт масса вопросов. Обещаю. К тому же ты уже при параде.

– Приеду, раз так. – Ник сунул карточку во внутренний карман и с ехидцей добавил: – Но сперва соберу мочу на анализ.

Полковник хмыкнул.

– Не ершишься. Уж так заведено, сам знаешь. Без комиссии никак: обязательное требование. Да и с каких пор ты начал бояться врачей, сынок?

Ник поднялся.

– Я ничего не боюсь. – Он отдал честь. – Разрешите идти?

– Разрешаю, – сказал полковник, глубоко затаился и выпустил облачко ароматного дыма.

Спец по нервам выглядел так, будто ему вымотали нервы давно и основательно. Развалился на стуле и пялился через линзы очков равнодушным усталым взглядом.

– Разведите руки в стороны, – сказал бесцветным голосом. – Коснитесь пальцем носа. Теперь другим. Закройте глаза. Откройте. Повернитесь. Следите за фонариком. Поднимите одну ногу. Теперь другую. Руки вверх. В стороны. Вверх. Вниз...

Ник безропотно выполнял все идиотские требования и кипел от гнева. Проклятая бюрократия! Охота послать их всех к чёрту, да нельзя: любой член комиссии может прописать запрет полётов. Потому и приходится в одних трусах и жетоне плясать перед этим бурдюком! Но самое сложное ожидало впереди, в кабинете номер пять...

Никлас учтиво постучал.

– Входите, – пророкотал глубокий бас.

Штатный психоаналитик элитного гарнизона легко сошёл бы за циркового силача. Не хватало только полосатого трико и лихо подкрученных усов. Могучий, двухметровый, он выглядел так, будто без труда скрутит узлом любого... кто не соответствует установленным нормам.

Нехорошо...

– Садитесь.

Ник сел.

– Ваше дело, – силач мозгоправ отложил в сторону пузатую картонную папку на завязках, – весьма впечатляет.

– Благодарю.

– Я слышал, с вашим ведомым – мастером Данном – случилась трагедия.

– Так точно.

– Как вы восприняли эту новость? – мозгоправ вооружился самопишущим пером.

Никлас нахмурился. Что за нелепые вопросы?

– Мы с Петером шесть лет вместе, – заявил Ник. – Как только я узнал об аварии, сразу отправился на Астру.

– Произошедшее стало неожиданностью? – спросил психоаналитик, и Ник повёл плечом: в голосе померещились странные нотки. – Или вы не удивились?

– Разумеется, удивился, – холодно отрезал Никлас.

Мозгоправ кивнул.

– Мастер Данн был с вами во время Лаамского инцидента?

«Ах вот оно что!» – сообразил Ник и скрежетнул зубами.

– Я же сказал – мы шесть лет летали вместе. Бок о бок. – Он начал терять терпение. – В деле всё есть.

– Есть, – согласно кивнул мозгоправ. – Но мне важно услышать непосредственно от вас.

– Да, – заявил Никлас, прямо заглянув в глаза психоаналитику. – Петер был со мной во время Лаамского инцидента.

– Стало быть, вы атаковали крейсер вместе.

– Мы действовали согласно должностным инструкциям, – голос прозвучал глухо. – Оба.

– Всё верно, – кивнул мозгоправ. – Именно так указано в вашем рапорте... и в рапорте мастера Данна.

Никлас обречённо поглядел на своего палача. Ну, давай. Говори уже!

– Вы часто вспоминаете, как отправили на тот свет двести девяносто семь ни в чём не повинных беженцев?

Крис

Крис смотрела. Слушала. Молчала и чувствовала, как ненависть захлёстывает волной, но холодная рука рассудка заставляла сдерживаться.

Так надо. Пока. Так. Надо. Иначе нельзя...

– Твоё платье. – Грандмастер Дарий Лунц положил перед ней коробку, перевязанную чёрной шёлковой лентой. – Его шили на заказ. Оно подчеркнет цвет твоих глаз и выгодно оттенит белизну кожи.

– Благодарю.

Крис потянула за край, и лента развязалась. В коробке лежал роскошный наряд из чёрного атласа и дорогущего эйрийского кружева. К наряду прилагались длинные перчатки и лента-бархотка.

«Ошейник», – подумала Крис.

– Ты должна примерить его, – заявил Грандмастер тоном, не терпящим возражений. – Прямо сейчас.

Крис потупилась. Ширмы в комнате не наблюдалось.

– Ты побледнела, дитя, – Дарий Лунц весьма умело изобразил озабоченность. – Тебе нездоровится?

– Нет, господин Лунц. – Голос предательски дрогнул.

– Ах, милая! Сколько раз говорил – зови меня папенькой: так гораздо приятней.

Крис предусмотрительно смолчала и потупила взгляд: не дай бог заметит, как полыхнула ненависть в глазах и желваки заходили на скулах.

– Надень его, – потребовал Лунц. – Хочу убедиться, что портной учёл все мои пожелания.

Кристиана не шелохнулась. Предательский жар опалил щёки, и Лунц мгновенно это заметил.

– Ты не должна меня стесняться, дитя, – вкрадчиво прошелестел он, – ведь я тебя вырастил.

Подонки! Подлецы! Чудовище в обличье человека!

Скрепя сердце, пришлось подчиниться. Дрожащими пальцами Крис расстегнула комбинезон. Она снова и снова напоминала себе: от него, от кошмарного Лунца зависит – полетит она во Мрак или нет. Одно его слово – и всему конец.

Вне всякого сомнения, он считал её стремление капризом, желанием удовлетворить нездоровые амбиции и покрасоваться перед сокурсниками. Пусть так. Это куда лучше правды. Страшно представить, что сделал бы Лунц, узнай о её истинных намерениях!

Путаясь в рукавах, лямках и рюшах, Кристиана влезла в подаренное платье.

– Ты так хороша, моя голубка... – Лунц развернул её к зеркалу и встал позади. Собрал волосы, обнажая шею. От горячего дыхания по коже побежали мурашки. Кристиана вздрогнула и внутренне сжалась. Ещё немного, и она не выдержит. Ударит. Влепит пощёчину. Да так, что мало не покажется... и тогда уж точно – всему конец. Нет. Нет! Надо держаться. Слишком многое поставлено на карту! Осталось продержаться совсем недолго. Всего лишь два дня. Два маленьких денёчка... – Так похожа на мать. Хрупкая и гордая. Нежная и неприступная. Манящая...

Дарий Лунц уткнулся носом ей в макушку.

– Ты даже пахнешь, как она...

Крис напряглась, точно струна. Взгляд упал на изысканную фарфоровую вазу с тонким горлышком. Схватить. Вдарить по темечку и... будь что будет!

Раз, два... Толстые пальцы Лунца стиснули талию, больно впиваясь в плоть... Три!

– Господин Лунц! – горничная ворвалась в комнату спасительным вихрем.

– Тебя стучаться не учили? – рявкнул Грандмастер, но руки убрал. И отступил на шаг.

Кристина закрыла глаза и облегчённо выдохнула. Слава богу!

– Там газетчики! – выпалила горничная, пропуская хозяйское недовольство мимо ушей. –

Целая толпа! А с ними фотографии! Все вас хотят!

Лунц мигом смягчился.

– О, да, – сказал, улыбувшись. – Сегодня я нарасхват. – С важным видом он склонился и поцеловал Крис руку. – До встречи на балу, дитя моё. Твоя красота затмит звёзды!

Оправив пиджак, Грандмастер вышел в коридор в сопровождении суетливой горничной, а Кристиана упала на кушетку и разрыдалась.

ГЛАВА 4

Ник

Астрийский Дом Офицеров был построен задолго до Первой войны и потрясал воображение. Монументальное здание с колоннадой, портиками, барельефами на фронтонах, широкими мраморными лестницами, резными балясинами, расписными потолками и гипсовыми статуями в нишах. Архитектор явно вдохновлялся строениями Земной эпохи – безмятежных времён, когда люди жили на поверхности, а не парили над ней. Повсюду на стенах красовались символы Воздушного Союза: шестандцатилучевая звезда Астры, три синие эйрийские спирали, вписанная в круг латейская лямбда. С портретов строго и величественно взирали герои.

Но Ник не смотрел на героев. Он смотрел на барышень, ибо именно они задавали всю прелесть вечера. Яркие, нежные, в шляпках и без – они порхали, щебетали, звонко смеялись и улыбались так зазывно, что голова шла кругом. Смуглая брюнетка в белоснежных шелках послала Нику воздушный поцелуй. Дерзкая рыжеволосая бестия с перьями в волосах повисла на локте и затребовала первый танец. Очаровательная миниатюрная шатенка, робея, предложила выпить шампанского.

Никлас грелся в лучах их внимания: отвечал улыбкой на улыбки, расточал комплименты, сыпал искромётными шутками, вальсировал, с интересом заглядывал в каждое проплывающее мимо декольте и пил, пил, пил...

Как минимум, это отвлекало от мыслей о Петере. Да и вообще...

Впереди опасное задание, позади – бесконечные войны, а жизнь так коротка. Отчего бы не насладиться ей здесь и сейчас?

Он был уже порядком подшофе, когда музыка смолкла. Кто-то звонко постучал ножом по хрусталу, и все воззрились на небольшую сцену в центре зала.

– О! Да это сам Грандмастер Лунц! – восторженно шепнула девица, с которой Ник только что танцевал. Он даже не успел выпустить её из объятий: узкие девичьи ладошки до сих пор лежали на его плечах.

– Глава города? – зачем-то спросил Ник. Он прекрасно знал, кем является Грандмастер Дарий Лунц.

– Да! Собственной персоной! – ахнула девушка. – Кажется, он хочет сделать объявление.

– Послушаем, – сказал Никлас и деликатно отстранил красавицу.

Грандмастер Лунц имел представительный и на редкость сытый вид. Грамотно скроенный костюм-тройка скрывал выдающееся пузо, специальные подкладки делали плечи шире. В чёрной шевелюре и бакенбардах щедро серебрилась седина, а голос был таким густым и глубоким, что позавидовал бы и оперный певец.

– Приветствую вас, друзья мои! – пропел он. – Нынче великий день! Счастлив сообщить, что Совет Воздушного Союза принял решение продолжить спасательную операцию! На поиски «Бесстрашного» во Мрак отправятся лучшие пилоты! Знаменитый герой Лаамской битвы Никлас Холф. Нам сказочно повезло, и сегодня он здесь, в зале. Поприветствуем! – Все расступились и зааплодировали. Никлас успел подхватить с подноса проходящего официанта бокал и отсалютовал им сначала Грандмастеру, потом гостям. – И с особой гордостью и трепетом представляю вам его нового напарника, а точнее – напарницу! Мастрис Кристиана Шторм. Моя воспитанница, которую я по праву (и без лишней скромности) могу называть дочерью!

Зал взорвался овациями, а Ник совершенно по-идиотски приоткрыл рот: на сцену поднялась и встала бок о бок с Грандмастером... та самая пигалица, что крутанула по утру иммельмана. Ну и ну! Правда, без песочного комбинезона и шлемофона Ник признал её не сразу:

пигалица была чудо как хороша в роскошном наряде глубокого чёрного цвета. Перчатки выше локтя и бархатистая лента на шее выгодно дополняли образ. Непослушные золотистые локоны норовили выбиться из высокой причёски. В ушах и на запястьях сверкали бриллианты...

Догадка ударила в пьяную голову. Всё мгновенно встало на свои места.

Так вот оно что!

Грандмастер Лунц – мэр! – опекун и наставник дочери пропавшего без вести героя – во всём потакает обожаемой воспитаннице. По всей вероятности, пигалице пришлось в голову покрасоваться на первых полосах, и любящий наставник устроил, чтобы в списке кандидатов на замену Петера она оказалась первой.

Ха!

Понятно-понятно! Избалованная вертихвостка! Хотя... справедливости ради, иммельман у неё вышел превосходный. Но сути это не меняет. Знаменитое имя и могущественный покровитель – весь секрет нелепого назначения. Только вот...

Неужели Грандмастер готов рискнуть жизнью названной дочери? Или он так далёк от реалий, что не понимает: полёт через Мрак – серьёзное испытание даже для опытного пилота, а уж для новичка...

Пока Никлас размышлял об этом, Лунц закончил речь, отпустил пигалицу и сошёл со сцены сам. У ступенек его поджидала супруга. Ник знал, что зовут её Гана и в свои пятьдесят она наряжается и ведёт себя как двадцатилетняя гризетка.

Гана – облачённая в пышное пыльно-розовое платье – тут же повисла на локте мужа и принялась громко и бессвязно хвалить его политический талант и прозорливость, а потом заявила, что всем успехом Лунц обязан её мудрым советам и божьему провидению. У Грандмастера сделалась кислая мина, но он стоически выдерживал общество жены.

Никласу не было до них никакого дела. Он твёрдо вознамерился найти пигалицу и вызвать на... точнее пригласить (разумеется, пригласить!) на танец. По дороге он хватанул ещё шампанского и, кажется, поцеловал какую-то особо ретивую поклонницу.

Кристиана Шторм обнаружилась в самом тёмном алькове зала. Она сидела под сенью тяжёлых пурпурных драпировок совсем одна, неспешно потягивала игристое и бросала нетерпеливые взгляды на массивные механические часы под потолком.

Ждёт кого-то? Скорее всего.

Ник приблизился, заложил руку за спину, щёлкнул каблуками и отвесил короткий полупоклон.

– Разрешите вызвать вас... – сказал он, осёкся и мысленно выругался: вот же чёрт! Не вызывать! Пригласить!

Но исправлять оплошность было поздно: брови пигалицы удивлённо поползли вверх.

Крис

– Куда?

Глаза Холфа лихорадочно блестели, а по лицу блуждал нездоровый румянец. Не требовалось большого ума, чтобы сообразить: Павлин напился в стельку. И даже нелепая бравада не спасала ситуацию.

– На танец, – изрёк он на удивление твёрдым голосом.

– На танец обычно приглашают, – бесцветно промолвила Крис и глянула на часы. Она обещала Лунцу пробыть до полуночи, а проклятые стрелки еле ползли! – Вызывают на дуэль.

– Вы совершенно правы, милая барышня! – Поддатый краснолицый здоровяк вкупе с товарищами бесцеремонно вклинился в разговор. – По всему видно, этот невежа не имеет представления ни о дуэлях, ни о танцах. Только и умеет, что щёки раздувать!

Кристиана напряглась. Зелёная форма! Вездеходчики. Те ещё бузотёры! А значит – проблем не оберёшься. Павлин вон тоже понял – физиономию аж перекосило: испокон веков пилоты шагоходов ненавидели лётчиков, а те взаимно их презирали. Сегодняшний вечер, разумеется, не стал исключением.

– Ну и каково это, всякий раз сидеть на заднице и ждать, когда прогноз дозволит вылет? – Здоровяк состроил гримасу и нарочито пискляво продекламовал: – Ой! Ой! Кажется, дождь собирается! Сегодня никуда не полечу! Куд-ку-дах!

Он изобразил локтями крылья и закудахтал курицей, а сотоварищи взоржали, аки кони. Холф криво усмехнулся и вскинул бровь.

– Зато какое удовольствие смотреть сверху, как вы там внизу месите грязь.

Здоровяк подался вперёд. Павлин с хрустом сжал кулак. Мордобой казался неизбежным.

Кристина сардонически возвела глаза к потолку, мысленно обругала всех живущих на свете мужчин и поднялась.

– Я потанцую с вами, мастер Холф, – сказала и шагнула наперерез разъярённым вездеходчикам. Протянула руку.

Спустя мгновение Холф уже вёл её в танце. Причём, весьма уверенно.

– Это было смело, – похвалил он, едва они закружились в вальсе. – Но глупо.

Крис разозлилась. Экий павлин!

– Глупо? – переспросила она.

– Разумеется, – кивнул Холф. – Женщинам не следует вмешиваться в мужские споры.

Это излишне.

– В самом деле?

Шаг левой назад, шаг правой вперёд, поворот.

– Истинно так.

– Тогда, возможно, вам стоит вернуться и продолжить беседу? – Невинно предложила она. – Ваши оппоненты всё ещё в алькове. Им подали рябчиков.

– Прерывать чужую трапезу бесчеловечно, – заявил Холф, крутанув её. – Тем более если речь о рябчиках. Вездеходам редко удаётся отведать птиц.

Кристиана с трудом сдержалась от смеха, но всё-таки сдержалась.

– Вы пьяны, – строго сказала она.

– А вы внаглую используете семейное положение для продвижения карьеры, – парировал он, вальсируя как ни в чём не бывало. – Впрочем, не смею вас осуждать. Другой возможности попасть в моё сопровождение для особы вашего пола и возраста попросту нет.

Кристиане захотелось вцепиться ему пощёчину.

– Вы видели, как я пилотирую, – сердито выцедила она.

– Неплохо... для барышни.

Теперь ей захотелось огреть его серебряным подносом по башке.

– Я была лучшей на курсе!

Холф расхохотался.

– Хах! Посмотрел бы я на инструктора, который вкатил бы неуд падчерице мэра!

Кристиана вспыхнула от нахлынувшей ярости. Да как он смеет!

Гад просиял.

– Вы так очаровательны, когда злитесь, – сказал он и, крепко прижав её к себе, зашептал на ухо: – Будем откровенны. Вы – просто избалованная девчонка, которой не терпится покрасоваться в лётной форме перед газетчиками, а я – ваш единственный шанс прославиться. Однако ваш отчим не учёл важную деталь: Мрак – не парк аттракционов. Лунц отправляет вас на верную (причем, весьма мучительную) гибель, и мой долг сообщить ему об этом.

Кристиана похолодела.

– Вы не посмеете!

– Посмею. – Взгляд Холфа изменился. Стал колючим, опасным и... совершенно трезвым. – Кто-то должен донести до вашего уважаемого покровителя, что нелепая блажь может стоить вам жизни. Если вы действительно дороги ему, он немедленно...

– Нет! – выпалила Крис. – Если у вас есть хоть капля благородства, вы...

– Я остановлю вас от глупого необдуманного шага, – перебил Холф. – И уберегу от смерти. Это и есть благородство, не находите?

Музыка смолкла, пары разошлись, но они так и остались стоять друг против друга.

Кристиана вскинула голову, сдерживая слёзы из последних сил. Внутри всё клокотало. Если сейчас этот сноб обрушит на Лунца претензии, всё может сорваться. Надо его остановить!

Но как? Как?

Крис решила разыграть единственный козырь.

– Ваш напарник – мастер Петер Данн... – выпалила она, и Холф мгновенно напрягся. – То, что с ним стряслось, не было случайностью. И я могу это доказать. Но если вы сорвёте моё участие в операции, я не скажу вам ни слова. Даже под пытками!

Холф смерил её долгим внимательным взглядом. Лицо его сделалось совершенно непроницаемым, и Крис никак не могла сообразить, принял он её слова всерьёз или счёл пустым нахальным блефом.

– Такими вещами не шутят, барышня, – сухо изрёк он.

– А я и не шучу, – твёрдо заявила Крис. – Клянусь памятью отца.

Казалось, Холф молчал целую вечность. Кристиана уже потеряла всякую надежду, но наконец Павлин заговорил.

– Завтра в пять сорок на аэродроме, – сухо бросил он, развернулся и ушёл, сверкая начищенными до блеска сапогами.

ГЛАВА 5

Ник

«Волк был терпелив, но и человек был терпелив не меньше, – читал Ник вполголоса. – Полдня он лежал неподвижно, борясь с забывтьём и сторожа волка, который хотел его съесть и которого он съел бы сам, если б мог...»

Никлас отложил книгу и глянул на друга. Петер тоже лежал неподвижно, как и герой рассказа. Его тело казалось совершенно безжизненным, и только тихие сигналы приборов указывали, что храброе сердце пилота всё ещё бьётся.

– Не прикидывайся, я знаю, ты меня слышишь, – сказал Ник. Петер не ответил. – Не дрейф, старина, у тебя будут отличные протезы. Лучшие во всём Союзе. Ты вернёшься в небо, вот увидишь! – Ник помолчал и добавил: – Только очнись.

В палату вошла санитарка. Та самая, которая давеча не хотела его впускать. Никлас устало посмотрел на неё и поправил чуть съехавший с плеча белый халат. Если начнёт выгонять, придётся скандалить... А не хочется.

Санитарка угрожающе приблизилась, нависла над Ником и... протянула термос.

– Вот. Здесь чай с ромашкой.

– Благодарю вас, – сказал удивлённый Никлас.

– Вам надо поспать, мастер Холф, – заявила санитарка. – Уже почти четыре. Я принесу плед.

– Не утруждайтесь, – остановил Ник. – Мне скоро на аэродром.

Санитарка понимающе кивнула.

– Вы хороший друг, мастер Холф. Мастеру Данну очень повезло.

Ник оставил комплимент без комментариев, сунул руку за пазуху и извлёк конверт.

– Мне предстоит длительная командировка, – сказал он. – Потрудитесь передать мастеру Данну моё письмо... как только он придёт в себя. Я буду весьма признателен.

К письму Никлас добавил две ассигнации. Санитарка заартачилась.

– Не спорьте! – Ник таки всучил ей деньги. – Возьмите. Это приказ. Позаботьтесь о Петере.

– Позабочусь, мастер Холф, – пообещала санитарка.

– И цветы... – Ник кивнул на роскошный букет, который сдуру притащил в госпиталь. – Заберите себе.

– Но...

– Петер засмеёт, если узнает, что я таскал ему букеты. – Ник улыбнулся. Он знал, как его улыбка действует на женщин. Не ошибся и в этот раз.

– О!.. Раз так... – Санитарка смутилась. – Заберу, конечно.

– Вот и славно.

Когда добрая женщина удалилась, прихватив охапку белых хризантем, Никлас раскрыл книгу и продолжил читать с места, где остановился. Петеру всегда нравился Лондон...

– У тебя помятый вид, – сообщил полковник Хей, едва глянув на него. – Ночь удалась на славу?

– О, да. – Никлас подхватил кувшин и сделал несколько жадных глотков. – После бала две горячие брюнетки затащили в номера. Я осчастливил каждую, но сломал кровать.

– Ты был в госпитале, – уныло резюмировал Хей.

– Да. – Ник рухнул в кресло, обтёр лицо пятернёй и зевнул. – Был. Где девица? Опаздывает?

Хей усмехнулся в усы.

– Уже час, как в ангаре, – сказал он. – Это ты опоздал.

Никлас проморгался, вскинул руку и глянул на офицерские часы. Стрелка неумолимо приближалась к без четверти шесть. Проклятье!

– Опоздание в три минуты допустимо даже для стыковки самолётов, – заявил он, поднимаясь. – К тому же, я начальство. А начальство, как известно, не опаздывает, а задерживается.

Ник напялил фуражку, выровнял козырёк по ребру ладони и поспешил в ангар.

Пигалица, облаченная в песочный комбез, лежала под «Единицей» и сосредоточенно орудовала гаечным ключом.

Ник скрестил руки на груди и фыркнул.

– Крутить гайки – работа механика, – сказал он.

Девчонка резко поднялась и гулко врезалась макушкой в фюзеляж.

– Вы опоздали, мастер Холф, – заявила, потирая ушибленное место. На лбу, щеках и подбородке чернели разводы мазута.

– Ничуть, – парировал Ник. – Я уже с полчаса наблюдаю за вашими потугами закрепить форсунки и сильно сомневаюсь в успехе данного предприятия. Вы прошли медкомиссию?

– А вы? – ехидно прищурилась пигалица.

– Отвечать по уставу! – рявкнул Никлас, да так, что девчонка рефлекторно вытянулась по струнке. – Не на пикник собираемся, а на задание! Ясно?

– Так точно!

– Где результаты комиссии?

– У полковника.

Ник грозно сдвинул брови.

– Почему в обход меня?

– Но... – пигалица заметно растерялась. – Хей начальник группы, и я подумала...

– Задача сопровождения не думать, а выполнять, – грубо одёрнул Ник и с удовлетворением отметил, как девчонка вздрогнула и побледнела.

Никлас мысленно усмехнулся. Так-то! Хотела лёгкой славы? Получай!

Он прошествовал к своему аппарату. Его одноместный штурмовик был выкрашен в тёмно-серый цвет. На носу красовались намалёванные зубы, а на брюхе – жабры.

«Акула». Так Никлас звал свою машину. По сути, такой же моноплан, как у пигалицы, только тяжелее, мощнее, быстрее, манёвренней и с большим запасом топлива и боеприпасов.

– Отцепишься – уволю, – сказал, демонстративно игнорируя парашют. – Чего обмерла? Показатели!

Пигалица шомором запрыгнула в кабину, нацепила шлемофон, пристегнулась и врубила датчики.

– Конденсат, – бросил Ник.

– Уровень в норме, – отозвалась пигалица.

– Давление.

– Давление в норме.

– Приборы.

– Приборы исправны. Сбоев не обнаружено. Разрешите взлёт.

– Разрешаю. – Никлас запустил двигатели. – От винта.

– От винта!

Крис

В небе Павлин был великолепен. Крис не могла не признать этого факта. Он вёл за собой уверенно, крепко держал горизонт и заходил на виражи так лихо, что Крис вновь ощутила себя неопытной первокурсницей, впервые севшей за штурвал.

Холф дал крен влево и нырнул в облако. Крис нырнула следом. Холф потянул машину вертикально, и Крис рванула штурвал на себя. Она следовала за ним, как привязанная, и только в штопоре всерьёз запаниковала: обезумевшая машина камнем летела вниз, к скалам, и удержать её не представлялось возможным. Стало страшно. Готовая к едким насмешкам, Кристиана всерьёз напряглась, но голос в шлемофоне звучал без малейшего намёка на колкости. Спокойно, размеренно и чётко Холф давал указания:

– Газ отпусти. Отпусти газ. Вот так, – велел он. – Теперь выравнивай. Плавнее. А сейчас прибавляй. Прибавляй. Ещё. Ещё немного. Смелее. Отлично. Держись меня. Заходим на посадку.

Когда Крис выбралась из кабины, Холф стоял, привалившись плечом к своему штурмовику и скрестив руки.

«Сейчас начнутся нотации», – уныло подумала Кристиана, но ошиблась.

– Живая? – ухмыльнувшись, спросил Холф. Она кивнула. – Часа на сборы хватит?

– Я уже собрана, – ответила Крис.

– Похвальное рвение, – фыркнул Павлин. – Тогда десять минут передышки и выдвигаемся. Конденсат для дозаправки предоставят механики, а ты запасись питьевой водой.

– Хорошо.

– Хорошо? – тёмные брови грозно сошлись над переносицей.

– Есть, – поправилась Крис, но Павлин явно ждал чего-то ещё. И догадаться, чего именно, труда не составляло.

Вот же сноб!

Кристиана отточенным движением отдала честь.

– Выполняйте, – сухо бросил Холф.

Кристиана волновалась. И было от чего! Учебные полёты, заученные наизусть квадраты, знакомые рельефы – всё осталось позади. Впереди ждала неизвестность: долгий перелёт до западной заставы, а оттуда – почти месяц спустя – в глубины Мрака.

Мрак...

Он был виден из каждого парящего города, из любой точки Воздушного Союза – исполинская стена пепельно-чёрных туч, внутри которых день и ночь бесновались, завывая, лютые смерчи, а красные, синие и белые молнии полыхали, точно обезумевшие фонарики в новогодней гирлянде. Красиво. Смертоносно. Жутко. Необъяснимо и неопишимо. Аномальная зона появилась на рубеже эпох, когда земные государства пустили в ход самое страшное своё оружие. В итоге земля была отравлена, а часть неба навсегда затянута Мраком. Что сокрыто за бушующим непроглядным маревом – изобильные плодородные почвы, густые леса и прозрачные реки с чистой водой или выжженная, лишённая даже намёка на жизнь, пустошь, – не знал никто: пересечь Мрак полностью ещё никому не удавалось. Туда отправлялись отчаянные смельчаки и научные экспедиции, матёрые исследователи и жаждущие славы авантюристы, но освоить удалось всего лишь два первых слоя. Именно там пропал без вести отец, когда Крис едва сравнялось двенадцать. А полгода назад в пучину Мрака канул «Бесстрашный» – могучий крейсер с запасами топлива и провизии, которых хватило бы на пять лет. Несокрушимый летающий титан должен был пройти сквозь аномальную зону и достичь загадочной обетованной земли, о существовании которой упорно твердили учёные-теоретики. Земли, куда человечество могло бы вернуться после долгих скитаний...

«Бесстрашный» пропал внезапно. Перестал выходить на связь. Совсем. Весь Воздушный Союз в едином порыве скорбел по героям: после череды безрезультатных спасательных экспе-

диций объявили траур, приспустили флаги, отменили балы и парады. Надежда растаяла, но буквально пару недель назад сверхмощные локаторы Астры уловили слабый сигнал «SOS». Он шёл из Мрака. Из квадрата, далеко за пределами первых слоёв. И посылал его «Бесстрашный» – в этом сомнений не было.

Отыскать следы «Бесстрашного» – суть операции «Лиственница», но помимо задания у Кристианы Шторм имелись свои особые резоны. Увы, о них она не могла рассказать никому, даже верной подруге Татиане.

- Барс Грозе, – раздалось в шлемофоне. – Уровень конденсата.
- Гроза Барсу, – отозвалась Крис. – Уровень конденсата сорок шесть процентов.
- Набираем высоту.
- Есть.

Тёмно-серый хвост «Акулы» исчез, мелькнув среди глухой ваты облаков. Кристиана двинула вперёд рычаг управления двигателем и добавила газа. «Единица», загудев, последовала за ведущим.

Кучевые облака оказались под брюхом, а сверху расплескалось небо. Синее-синее, яркое до рези в глазах. И они неслись сквозь эту синеву – две стальные птицы, блестящие в лучах солнца, точно начищенные бляхи на офицерском ремне.

- Барс Грозе. Проверить давление, – потребовал Холф через пятьдесят минут.
- Кристиана мазнула взглядом по приборной панели.
- Давление выше нормы на три сотых.
- Снижение.
- Есть снижение.

Кристиана плавно сбавила обороты. Машина снова нырнула в пух облаков, а когда вынырнула, дух захватило от открывшихся видов.

Бескрайние просторы обугленной, изъеденной ядом земли, острые пики скал, далёкие силуэты авианосцев и дирижаблей, а за ними... гигантская клубящаяся преграда на горизонте. Мрак. Конец мира. Живая, хищная, пульсирующая мгла, навек сожравшая закаты.

Так близко... Так пугающе близко! Кристиана сглотнула, стиснув штурвал. Поздно бояться!

- Переход на предельно низкую, – приказал Холф. – Курс на «Четыреста четвёртый».
- Есть.

«Акула» зашла на круг, продолжая снижаться, а на громадном парящем авианосце зажглись сигнальные огни. Ловцы – с высоты они казались совсем крохотными – высыпали на разлинованную посадочную полосу и замахали флажками. Из высоченных труб повалил дым. Корабль протяжно загудел, приветствуя долгожданных гостей.

– Садимся, – сказал Холф, отбив светом готовность к посадке, и Кристиана, измотанная долгим перелётом, с облегчением потянула рычаг выпуска шасси.

ГЛАВА 6

Ник

«Четыреста четвёртый» – парящий авианосец-исполин на конденсатном ходу, названный в честь выдающегося адмирала воздушного флота, трижды героя Воздушного Союза Эско-ахалло Бержанской-Гедиминайте, – по понятным причинам так и остался в народе «Четыреста четвёртым». Максимальная скорость здоровущей громадины составляла всего пятнадцать узлов, зато в прямом столкновении с этим небесным тихоходом от врага не осталось бы и мокрого места: батарея бронебойных орудий разного калибра впечатляла размахом.

Ловцы толково приняли монопланы, и Никлас выбрался из кабины. Помогать ведомой даже не собирался: сама справится. С полётом, к слову, она сдюжила на ура. Не была бы девчонкой, могли бы слетаться.

– Честь имею, майор Холф! – Капитан авианосца лично вышел приветствовать прибывших. Высоченный, сухой и худой, с аккуратно подстриженной седой бородкой, в иссиня-черном, украшенном десятками орденских лент флотском кителе, он взял под козырёк ладонью в белоснежной перчатке. – Капитан первого ранга Краус к вашим услугам.

– Честь имею, Капитан. – Ник отсалютовал. – Рад приветствовать.

– А это, видимо, мастер Петер Данн? – проговорил капитан Краус, глядя, как второй пилот перебрался из кабины на крыло и уже оттуда спрыгнул вниз. Осторожно так спрыгнул. Без лихачества. Фактически сполз.

– Почти.

Пигалица сняла шлем и стянула с волос резинку. Никлас с трудом сдержал улыбку, наблюдая за выражением лица Крауса... и всей его команды до последнего матроса.

Ловец, крепивший «Единицу» так вообще обмер. Интересный эффект...

– С мастером Данном случилось несчастье, – коротко пояснил Ник и жестом подозвал пигалицу. – Позвольте представить мою новую сопровождающую – мастрис Шторм.

Девчонка вытянулась и рывком отдала честь.

– Шторм? – Седые брови Крауса поползли вверх. – Однофамилица?

– Дочь, – сказал Никлас. – Для неё участие в операции – большая честь. Она заменит мастера Данна вплоть до его выздоровления.

– А-а-а... – неопределённо протянул капитан Краус. – Что ж. Полагаю, вы устали с дороги. – Он махнул рукой и окликнул пробегающего мимо матроса. – Эй, Мико! Проводи пилотов в каюты и распорядись насчёт обеда.

– Слушаюсграндмастеркапитан! – в одно слово выпалил матрос, метнув ладонь к бескозырке, и, обратившись уже к Никласу, деловым тоном изрёк: – Пройдёмте.

Каюты им с пигалицей выделили отдельные. Крошечные каморы размером чуть больше кабины моноплана, куда помещалась узкая койка и ещё более узкая полка. Всё. Двум людям здесь было не разойтись, но Нику каюта понравилась – вид шикарный! Из куцега иллюминатора просматривались бескрайние просторы небес, размазанные по синеве белёдые облака и безжизненная, почерневшая от испарений ядовитая пустыня под ними. А если вжаться физиономией в стекло и скосить левый глаз на максимум, можно увидеть, как бушует в чёрно-сером брюхе Мрака вечная гроза.

Багаж на авианосец доставили ещё вчера, чему Никлас несказанно обрадовался: ходить несколько дней кряду в парадной форме – сомнительное удовольствие. Хотелось немедленно снять с себя эту порядком подкисшую шкуру и залезть в душ. Благо, на авианосце имелись все условия для личной гигиены. Этим он и озадачился. Разделся, прихватил полотенце, бритву (не

идти же на обед к капитану с трёхдневной щетиной!), пену, зубную щётку, вышел из каюты... и тут же сшиб пигалицу. Да так, что девчонка шлёпнулась на пятую точку, растеряв всё, что несла.

– Ты чего тут промышляешь? – строго спросил Никлас. Руки он не подал: сама поднимется. – Подслушиваешь? Подглядываешь?

Пигалица сердито зыркнула на него, но напоролась взглядом на обнажённый торс, очаровательно зарделась и спешно опустила глаза.

– Я искала душ! – выпалила она и, вскочив, принялась собирать поклажу.

Полотенце, шампунь в нарядном розовом пузырьке, смена белья...

С последним Никлас ей помог: подхватил белоснежный предмет туалета и, криво хмыльнувшись, протянул владелице.

– Женщины!.. – с чувством выдохнул он. – Странные создания! Ты отправляешься в аномальную зону, где запросто можешь погибнуть, но берёшь с собой кружевные трусики. Зачем?

Теперь пигалица вспыхнула, как сигнальный огонь.

– Не ваше дело! – Она сцапала бельё, развернулась и чуть ли не бегом рванула по гулкому цельнометаллическому коридору.

– Эй! – окликнул Ник. – Душевые в другой стороне!

Она не обернулась. Вот, глупая...

Ник пожал плечами и, насвистывая, потопал в отсек гигиены личного состава.

Крис

Это тип... настоящий стопроцентный хам! Зазнавшийся павлин! Самонадеянный наглец! Нахал!

Крис уронила голову на руки. Да как можно вообще было так её унижить? Зачем? За что?

– Папа... – Она вытащила из чемодана бережно завернутое в полотенце фото. – Я терплю этого бесстыжего грубияна только ради тебя!

Крис поставила рамку на узкую полку над койкой. Вот. Теперь порядок. А сейчас надо привести в порядок себя. Хотя бы чуточку. И выбираться из каюты ради этого совсем не обязательно: даже в самой безвыходной ситуации у любой порядочной девушки всегда найдётся носовой платок. А это уже – полдела!

Вообще, Крис планировала занавесить платочком маленькое круглое оконце – исключительно ради уюта! – но теперь придётся затею отложить. Увы!

Она смочила платок водой, вооружилась карманным зеркальцем и начала протирать лицо и шею. Когда добралась до зоны декольте, в дверь постучали... но дожидаться разрешения войти никто не стал.

Дверь распахнулась. На пороге, подбоченясь, стоял Холф. Чистый, гладковыбритый, с влажными ещё волосами, он пах одеколоном и какой-то особой залихватской дерзостью. Казённое вафельное полотенце Павлин перебросил через плечо.

Кристиана скользнула по нему взглядом. Что за мода ходить полуголым? Срамота!

– Обед через двадцать минут, – сказал так, будто никакой безобразной сцены в коридоре в помине не было.

– Благодарю вас, – ледяным тоном ответила Крис, продолжая обтираться.

– Вам не помешает освежиться.

– Этим и занимаюсь.

– Боюсь, платочка не хватит, – хмыкнул Холф. – Чтоб смыть усталость, нужен душ.

Кристиана с негодованием глянула на него. Какая, однако, глубокая мысль!

– Собирайтесь, – скомандовал новообретённый ведущий. – Я вас провожу.

– Благодарю, но это излишне: я найду дорогу сама.

– Возможно, – не стал спорить Холф. – Но на «Четыреста четвёртом» имеется маленький, однако весьма пикантный нюанс. – Он дождался, пока она поднимет на него взгляд и продолжил. – Здесь нет отдельных душевых для барышень. А двери на кабинках отсутствуют вовсе.

Кристиана почувствовала, что краснеет и разозлилась: что за нелепое свойство – краснеть по любому поводу?!

– Пойдёмте, – настойчиво повторил Холф. – Я покараулю вход в отсек, а вы спокойно сполоснётесь.

Крис медлила с ответом. Опустила глаза. Стыд и неловкость боролись с желанием выглядеть отдохнувшей и свежей на приёме у капитана. Как же быть?

– Торопитесь! – Холф вскинул руку и с нарочитой серьёзностью взглянул на офицерские часы. – Предложение в силе пятнадцать секунд. К тому же, мы – экипаж: страховать друг друга наша святая обязанность. Ну, что? Идёте?

– Да! – неожиданно для себя выпалила Крис и вскочила. – Только шампунь прихватчу.

Холф шёл впереди. Она – следом. Прямо как в небе. Кристиана насчитала на спине Павлина три шрама: один – косой и длинный – под левой лопаткой, второй, поменьше, в районе поясницы, а третий, похожий на звезду, справа ближе к шее.

Захотелось спросить, откуда у него эти отметины, но Кристиана сочла это неуместным и совершенно бестактным. Не хватало ещё, чтобы он думал, будто она рассматривает его спину!

– Пришли, – сообщил Холф, пропуская её вперёд.

Крис замерла на пороге. Павлин не соврал: в отсек мог войти любой, а тесные кабинки имели перегородки, но совершенно не имели дверей. Она никогда не отважилась бы тут мыться!

– Смелее! – подбодрил Холф.

– Я... – неопределённо протянула Крис, но тут же выпалила: – Сюда точно никто не войдёт?

– Даже если начнут ломиться, – пообещал Холф. – Не теряйте времени, мастрис. Не то передумаю!

Кристиана решила не испытывать судьбу и юркнула в пропаренную душевой влажностью кафельную клеть.

Холф сдержал слово. Деликатно дождался, пока она закончит, а потом так же деликатно проводил её, чистую и свежую, закутанную в офицерский махровый халат (мужской и такой огромный, что подол волочился по полу, а рукава свисали), до каюты. Крис не знала, надолго ли хватит его деликатности, а потому предпочла не рисковать: коротко поблагодарила и отправилась переодеваться к обеду.

Она облачилась в строгую серо-стальную форму инструктора со знаком лётной школы на лацкане, собрала волосы в низкий пучок и сочла, что выглядит подобающе.

Холф ограничился форменной белой майкой, потёртой лётной кожанкой и казёнными портками-галифе унылого сизого цвета. Видимо, парадную форму с орденскими лентами он надевал исключительно для визитов на учебные аэродромы. Хотя... На балу в Доме Офицеров он, кажется, тоже был в ней... а сейчас не надел. Почему? Станный тип. Ох, странный!

– Угощайтесь! – Хозяйским жестом капитан Краус обвёл укрытый белоснежной скатертью стол. – Оцените по достоинству знаменитое флотское гостеприимство.

Крис смотрела на яства и не верила глазам. Картофель! Настоящий варёный картофель, поданный с солью прямо в кожуре. Где им удалось его достать? В последний раз она лакомилась картошкой в глубоком детстве. Ещё на столе обнаружили свежайший хлеб с хрустящей

корочкой, масло, ломтики сыра, паштет, консервированные тепличные персики, сгущёнка и порционный офицерский шоколад. Великая роскошь!

– Милости просим. – Краус явно удовлетворился произведённым эффектом. Он вытащил запотевшую бутылку из ведёрка со льдом и ловко – с хлопком, но без выстрела – откупорил пробку. – Шампанского?

ГЛАВА 7

Ник

– Сложно поверить, что с мастером Данным стряслось такое, – Капитан сокрушённо качнул головой. – Да ещё накануне вылета! «Скворцы»...

– Ума не приложу, откуда они взялись в чистом квадрате, – признался Никлас.

– Роковая случайность, – вздохнул Краус.

– Не иначе. – Ник пригубил шампанское и бросил короткий взгляд на свежеиспечённую напарницу. Пигалица уплетала картошку. Одну за другой.

«Ваш напарник... Петер Данн... – сказала она тогда. – То, что с ним стряслось, не было случайностью. И я могу это доказать»

Могу доказать...

Скорее всего, пустая болтовня – чего ещё ждать от девчонки! Зачем вообще говорить такое? Неужели только ради операции? Но почему именно о Петере? Опять случайность? Или...

Никлас задумался так глубоко, что не заметил, как капитан Краус увёл разговор в иное русло.

– Лагерь вездеходов в сорока километрах к северу-западу, – вещал он, потягивая шампанское. – Там обнаружили новый источник. Выбросы испарений убийственные, зато конденсата хоть отбавляй. Начальство торопит с разработкой, но Мрак... – капитан осёкся.

– Что, «Мрак»? – Ту же подхватился Ник.

– Возмущения в последнее время заметно участились, – сообщил Краус. – Доходит до критических. Лунки открываются хаотично – не уследить.

Ник машинально метнул взгляд на напарника... но вместо цепких глаз Петера наткнулся на пигалицу, запикивающую в рот очередной картофан.

Мда-а-а... До чего чудная! Буквально час назад он корил себя за резкость, сопроводил в душ, чтобы хоть как-то загладить... Сейчас же засомневался. Учить её надо. И поостроже!

– Если так пойдёт дальше, о разработках придётся забыть, – продолжил Краус.

– Мрак непредсказуем, – сказал Никлас, краем глаза наблюдая, как пигалица тянется за добавкой. – Сегодня кипит от возмущений, а завтра тишина.

– Прописные истины, мастер Холф, – усмехнулся капитан. – Как далеко вы заходили во Мрак?

– Как все, – пожал плечами Ник. – В первые два слоя.

– Не обнаружилось ли там чего-нибудь...м-м-м... странного?

Ник скривил губы в усмешке.

– Это аномальная зона, – сказал он. – Там всё странно. А что?

Взгляд капитана сделался тёмным, как его китель.

– Во время последнего шторма одного матроса утянуло за борт, – сухо сообщил Краус. – Мы уже простились с бедолагой, но через неделю дозорные обнаружили его на уступе скалы. Поседевшего. Израненного. Парень провалялся без памяти четыре дня, а потом начал бредить. Он метался и всё повторял: «Скворечник! Скворечник!».

– Скворечник? Любопытно... – проговорил Никлас и нахмурился. Ну и ну... «Скворцы» регулярно совершали налёты на города и шахты Союза, но никто не знал, где именно базируются загадочные сверхмощные истребители. Неужели во Мраке?... – Хотелось бы с ним побеседовать. Где он сейчас?

– На небесах, – последовал ответ. – Скончался, не приходя в сознание. Отравление испарениями.

Ник вздохнул.

– Жаль. Парень мог бы о многом поведать.

– Не спорю, – согласился Капитан и серьёзно посмотрел на него. – Сколько вам дали времени на подготовку?

– Пять недель, – сказал Ник и бросил взгляд на девчонку, которая наконец отвлеклась от угощений. – Но мы управимся за две.

Крис

Крис ухватила за поручни и чуть подалась вперёд, заглядывая за ограждение. Звёздная россыпь сияла на иссиня-чёрном бархате неба, а внизу плескалась непроглядная ночная мгла. Густая, как кисель в лётной столовой. Только изредка вспыхивали и гасли вдалеке бело-лунные огни – сигнальщики с базы вездеходов передавали «Четыреста четвёртому» послания. Кристиана без труда уловила их суть: вездеходы сообщали, что десять баррелей конденсата готовы к отгрузке и запрашивали транспорт. Прожектор авианосца ответил почти сразу: «Транспорт будет утром». Коротко. Чётко. Без излишеств.

Крис отвлеклась от сигналов, зажмурилась и глубоко, с наслаждением вдохнула. Воздух пах дымом и топливом, и дышалось как-то по-особому легко.

Как же хорошо!

До сих пор не верилось, что Лунца нет рядом. Что никто не прикоснётся против воли, не начнёт указывать и читать нудные нотации противным менторским тоном, не потребует называть папенькой, не обрядит в ненавистные в рюши, точно фарфоровую куклу, и... не будет сравнивать с матерью...

«Ты так на неё похожа... – Кристиана повела плечом, словно хотела сбросить невидимую ладонь. – Даже запах...»

Да как он смеет! Старый, подлый, похотливый козёл! Лгун! Обманщик! Как он смеет?!

Крис стиснула поручень так, что побелели костяшки пальцев.

Мама...

Она умерла пять лет назад. Погибла во время налёта «Скворцов» – загадочных чёрных истребителей без опознавательных знаков. Они атаковали часть, где она служила при штабе.

Кристиана тогда заканчивала школу. Опеку над ней принял грандмастер Лунц. Сие показательное действие широко освещалось в прессе. Как же! Мэр-благодетель, взявший под крыло осиротевшую дочку героя... Он называл себя другом семьи и наперсником Ивара Шторма, но Крис знала, что это неправда: Дарий Лунц никогда не водил дружбы с отцом. Зато к матери был явно неравнодушен... и к дочери, как оказалось, тоже.

Жизнь Кристианы превратилась в ад: от недвусмысленного внимания Лунца бросало в дрожь, а показушная забота вызвала приступы тошноты и бессильной ярости.

Однажды долгим зимним вечером Лунц задержался в её комнате: хотел почитать воспитаннице вслух – так он сказал прислуге. Он действительно взял книгу, расположился у камина, а Кристиане велел сесть у его ног... а потом... потом всё зашло слишком далеко. И Крис не стерпела. Вырвалась. Закричала. На крик сбегались слуги и Гана – жена Лунца.

Перепуганная, Кристиана начала сбивчиво объяснять, что произошло... и Гана залепила ей пощёчину. Ударил при всех. Сильно. Так, что Крис отлетела к камину.

«Потаскуха! – кричала Гана. – Как смеешь ты порочить имя моего мужа! Этого святого человека!»

С тех пор Крис делала всё, чтобы держаться от благодетелей как можно дальше. Гана не возражала, а вот Лунц...

От одной мысли о нём Крис передёрнуло, и она зябко поёжилась.

– Замёрзла? – Теперь она вздрогнула уже от неожиданности, но быстро взяла себя в руки.

– Никак нет, мастер Холф.

– Не спится?

Он подошёл ближе, к самому борту, и тоже – как и она – опёрся на перила. Порыв ветра растрепал его тёмные волосы. Холф уставился на запад. Туда, где в недрах клубящихся туч беспрерывно сверкали красные и холодно-голубые молнии. Мрак волновался...

– Красиво, – сказал Холф.

– Красиво, – согласилась Крис. – Особенно ночью.

– Ты проверила крепления?

– Да, – отрапортовала Крис. – Монопланы закреплены. Всё выполнено в соответствии с техническими предписаниями.

Павлин как-то странно поглядел на неё.

– Смотрю, тебе не терпится начать тренировки, – сказал с прохладцей.

– Так точно.

Он резко повернулся к ней. Навис. Нахмурился.

– То, что ты сказала про Петера тогда, на балу... Ты всё выдумала, так ведь?

Крис попятилась и сглотнула. Во взгляде Холфа бушевала такая ядрёная смесь эмоций, что токсичные испарения в сравнении казались лёгким бризом.

– Я... – начала она. – Я...

– Говори правду! – на скулах Павлина ходили желваки. – Выдумала или нет? И не смей врать!

Крис испугалась. Что будет, скажи она правду? А ну как Холф распахнется, прыгнет в монолёт и рванёт в Астру искать виновных? Пойдёт по головам, наломает дров, а потом...

Его арестуют, операцию отменят, а её, Кристиану, вернут под крыло «благотетеля».

Ну уж нет!

– Да, – выдавила она, опустив глаза. – Я всё выдумала...

– Так я и думал, – холодно изрёк Холф и, резко развернувшись, зашагал в сторону кубрика.

Крис осталась наедине с глухой равнодушной полночью. Глаза защипало, и слёзы хлынули по щекам. Кристиана не стала их сдерживать.

ГЛАВА 8

Ник

«Старина Петер! – писал Ник. – Если ты читаешь это, значит очнулся и уже в курсе основных новостей. Моя новая сопровождающая ещё совсем девчонка, недавняя выпускница академии. С талантом, но, похоже, безо всякого соображения. В письме (по понятным причинам) не могу сообщить всего, что она наплела о той твоей злополучной стычке со «Скворцами», но при личной встрече непременно расскажу. Сейчас мы отрабатываем слётанность. Тренируемся по шесть-восемь часов с перерывами на дозаправку. Девчонка держится, хотя и получает от меня знатно: все её финты и навыки – совершеннейшая показуха, неприменимая в условиях реального боя. Вчера она чуть не угробила «Единицу» при пикировании, а позавчера так вообще ухитрилась сбиться с курса и заплутать в облаках. Садится, впрочем, неплохо. Возможно, из неё мог бы выйти сносный пилот междугородних рейсов, но не более. До тебя, старина, этой пигалице далеко, как до неба.

Мрак крайне неспокоен. Лунки блуждают хаотично – не представляю, как удастся мне зайти в первый слой и не угробрить при этом мэрскую любимицу. Лететь в зону с новичком – полное безумие, однако наши шефы те ещё фантазёры, сам знаешь.

За увечья не переживай: я справлялся в госпитале – Совет Ветеранов выбил самые лучшие протезы, и ты всенепременно будешь летать.

Как только придёшь в себя – сразу напиши на мой прежний адрес, в Лётный городок. Там ребята при штабе толковые, сообразят, куда отправить весточку дальше.

Искренне надеюсь на скорую встречу. Бывай и не кисни. Твой Ник»

По обыкновению поставив дату и подпись, Никлас скривился: на исполосованный косыми витиеватыми – нечто между каллиграфией и шифровкой – строчками лист упала капля. Но не чёрная, от чернил, а красная. Следом за ней – вторая.

Никлас озадаченно потёр ноздри, и на пальцах остался красный след.

Вот же... Опять накрывает. Второй раз за день.

Он еле успел отложить письмо – кровь хлынула из носа, да так сильно, что заляпала форменную майку. Весьма основательно при этом. Виски сдавило тупой болью, а «Четыреста Четвёртый» басовито заскрежетал, словно металлический корпус авианосца гнуло и корёжило. Это могло значить только одно...

– Проклятье! – выругался Ник, вскакивая, и сигнал тревоги тут же прокатился по кораблю.

– Внимание! – пророкотал динамик. – Возмущение Мрака второй степени! Свистать всех наверх!

Никлас рванул на палубу и на секунду застыл: громадные чёрные клубящиеся тучи нависли над кораблём и плевались молниями. Раскаты грома сотрясали авианосец так, что не устоять. Тросы лопались, опоры гнулись.

Форменный ад!

Капитан Краус – бледный и прямой, как жердь – отдавал приказы громко и резко. Команда ловила каждое слово, мгновенно, чётко и слаженно исполняя волю. Матросы крепили оборванные концы, удерживали падающие опоры, сбрасывали обломки и железное крошево за борт. Когда зарядил град размером с голубиное яйцо, взялись за совковые лопаты.

– Развернуть тенты! – гаркнул Краус, и четверо матросов рванули к монолётам. – Поднять резервные громоотводы! Отдать швартовы! Полный назад!

Зашумели двигатели. «Четыреста четвёртый» дёрнулся и медленно поплыл над изувеченной пустошью задним ходом. Увы, чтобы быстро вывести авианосец из зоны шторма, катастрофически не хватало скорости.

Молния шарахнула в опасной близости, и один из матросов рухнул, как подкошенный. Бедняга даже вскрикнуть не успел. Новый разряд – и тент над монопланами вспыхнул, как сухая солома. Огонь стремительно расползлся по брезенту.

– Тушить! – рявкнул Краус.

Матросы кинулись к насосам. Никлас оказался ближе. Схватил шланг и первым подбежал к пылающему тенту.

– Давай! – гаркнул, и один из парней крутанул маховик.

Напор чуть не сбил с ног. Мощная струя пены ударила по сполохам. А следом – вторая: белобрысая пигалица, хмурая, уже порядком подкопчённая и растрёпанная, тоже вооружилась шлангом и встала бок о бок.

Никлас выругался.

– Сдурела? – рявкнул он. – А ну марш в каюту, зашибёт!

Девчонка не ответила. С мрачной решимостью, расставив для пушей устойчивости ноги, она направляла струю на беснующиеся рыжие языки: огонь подбирался к монолётам.

Ник хотел обругать её снова, но не успел: от нового раската «Четыреста четвёртый» тряхануло так, что палуба вздыбилась. Многие попадали. В том числе и Ник. Его отбросило в сторону и впечатало в трубу дымохода. Приложило затылком. Крепко, до хруста в зубах. Не успел он подняться, как один из транспортных вездельёв-тяжелогрузов сорвался с троса, и Ник выругался так грязно, как не ругался даже полковник Хей во время учений: машину развернуло боком и понесло по наклонной, аккуратно в шеренгу подготовленных к отгрузке баррелей с конденсатом.

Внутри всё оборвалось: секунда, и всё здесь взлетит к чертям собачьим!

– Держи самолёт!!! – проорал Ник вскакивая.

Он и ещё пара матросов рванули наперерез, но проворней всех оказалась пигалица. Чудом она ухватила конец оборванного троса, что змеился по палубе, сунула в крепёж, но зафиксировать не успела – силёнок не хватило. Пигалица рухнула, и её, мотая из стороны в сторону, точно рыбёшку на леске спиннинга, поволокло за вездельётом: девчонка так и не выпустила из рук железнотканую верёвку. Никлас бросился к ней, ухватил трос. Зарычал, натягивая. Все, кто был рядом, кинулись на подмогу. Общими усилиями удалось сунуть обрывок треклятого троса в крепёж и намертво защёлкнуть стальное кольцо. Тяжелогруз остановился в полуметре от баррелей.

Ник облегченно выдохнул и бросил цепкий взгляд на подопечную. Пигалица – бледная и чумазая – дышала тяжело и часто. Глаза её лихорадочно блестели.

– Лишаться чувств планируешь? – серьёзно и строго спросил он.

– Никак нет, мастер Холф, – хрипло выдохнула девчонка и, покачнувшись, обессиленно привалилась спиной к ограждению.

Крис

Светало. «Четыреста четвёртый» наконец вышел за границы шторма, и град сменился проливным дождём. Корабельный лекар латал двух особенно тяжёлых матросов. Лёгкие справлялись сами, а одному было уже не помочь.

Кристиана – мокрая, грязная, в изодранной одежде – сидела у ангаров на железном ящике. Павлин, вооружившись йодом, перекисью и ватой, обрабатывал её ссадины. Обугленный кусок брезента укрывал их от ливня.

– Больно? – спросил Холф, заметив, как она скривилась.

– Нет, – соврала Крис.
– Я велел сидеть в каюте, – сказал Холф. – Ты нарушила приказ.
– Нарушила... – согласно отозвалась Кристиана и устало поглядела на Павлина. – У вас кровь.
– Пустяки, – отмахнулся Холф, глянув на изгвазданную, покрытую бурными пятнами майку. – Носовые кровотечения возможны при особо сильных возмущениях.
– Кровь под волосами, – бесцветно проговорила Крис, отупело глядя на него. – Похоже, вы расшибли голову.
Холф нахмурился, коснулся виска и задумчиво посмотрел на пальцы.
– Что ж... – протянул он. – И такое случается.
– Вам помочь?
– Сам справлюсь, не впервой. – Холф наконец закончил с её царапинами. – А ты ступай в каюту и выпишь как следует: после обеда учебный вылет.
– Хорошо... – Кристиана сползла с ящика и едва не завалилась на бок: ноги не держали. – То есть... так точно... Разрешите идти?
– Иди уже, – с заметным раздражением бросил Холф.
Измученная ночными злоключениями, Кристиана поплелась к себе.

«Дорогая Тати! – вывела Крис аккуратным округлым почерком отличницы. – Я безмерно стосковалась по тебе! Мы на западе, в ближайшем ко Мраку квадрате. Большого, увы, сообщить не могу – отнесись с пониманием. Сегодня ночью случился шторм, и один матрос погиб: попал под молнию. Я видела это своими глазами! Обо мне не тревожься: сама я цела и невредима, пара царапин не в счёт. Правда, Холф рассердился, что не укрылась в каюте. Он постоянно всем недоволен. Ругается, а иной раз даже кричит, и громко, так, что стыдно становится. Недавно из-за магнитной бури на «Единице» сбились все показания, приборы встали наглухо. Я чудом выбралась из облаков, а Павлин (то бишь, Холф) едва не убил меня за то, что потерялась. Он гоняет меня беспрестанно, с утра и до позднего вечера, и даже сегодня, после шторма, в котором – на минуточку! – погиб человек, не отменил учебного вылета. Подозреваю, он делает это нарочно: женщина в сопровождении ему поперёк горла, вот и травит меня. Может, хочет, чтобы я отказалась? Не дождётся!

Напиши, что думаешь по этому поводу. Твои советы не раз выручали меня.

Как там наш кампус? Как девочки? Подселили к тебе кого-нибудь или ещё нет?

Передай мой огромный привет полковнику Хею. И пусть не переживает – я отлично справляюсь.

Пиши мне подробно-подробно! Я буду ждать. Очень. Люблю тебя всем сердцем, дорогая подруга. До встречи, твоя Крис»

В завершение Кристиана нарисовала крошечное, но премилое сердечко: так с Тати они подписывали письма уже много лет.

Крис запечатала конверт и, лизнув, прилепила марку. Вот и всё. Осталось только отправить. Но это – утром. Точнее – вечером. Ну, а пока...

Она крепко обняла подушку, свернулась на узкой койке калачиком и провалилась в сон практически мгновенно.

Снился отец. Он частенько являлся Крис в грёзах, и она любила эти сны.

Вот он – в лётной форме и фуражке – возвращается с построения, широко шагая особенной своей походкой: ноги у Ивара Шторма были колесом, как у кавалериста давно ушедшей земной эпохи; а она, Крис, маленькая, тонкая, с растрёпанными после долго дня косицами, преданно ждёт его у выхода с аэродрома. На Астру стремительно опускаются густые сиреневые сумерки, но Крис безошибочно угадывает силуэт отца среди других пилотов.

Отец ускоряет шаг, подходит и подхватывает её на руки.

– Привет, дочь! – от него пахнет табаком и мазутом. Лучший запах на всём свете! – Давно ждешь?

– Неа, – Крис бойко мотает головой. Она врёт: судя по часам на башне, ждать пришлось почти три оборота большой стрелки, но отцу об этом знать не обязательно. – Сегодня летаем?

Отец не торопится с ответом.

– Ну, папочка! Ну, ты же обещал! Два раза уже обещал!

Отец улыбается. У глаз разбегаются тонкие морщинки.

– Ну-у-у... раз обещал... – тянет он, а маленькая Крис победно скидывает ручонки.

– Ура-а-а!!!

Довольная, как слон, она обнимает отца за шею и звонко чмокает в щёку, а потом они летят на «Семицвете» – самом быстром и манёвренном вездельёте, двигатель которого Ивар Шторм усовершенствовал самолично.

Здоровенный отцовский шлемофон то и дело сползает на глаза, «Семицвет» гудит так, что уши закладывает, а рядом – близко-близко, протяни руку, и вот – проносятся мягкие пушистые облака. Белые-белые, как сахарная вата в большом Астрийском луна-парке. Крис норовит ухватить их и смеётся, смеётся, смеётся...

ГЛАВА 9

Крис

Холф вытащил карту из планшета и разложил на подготовленном к отгрузке железном контейнере. Вид у Павлина был на редкость измученный: в мешки под глазами поместилось бы по тонне угля, а «трёхдневная» щетина грозилась превратиться в бороду.

– Лунки открываются дважды в день, – сказал он. – Траектория раскрытия хаотичная, длительность от тридцати секунд до минуты.

Кристиана кивнула.

– Самое сложное – запеленговать точку раскрытия и успеть войти, – продолжил Павлин. – Ты должна сидеть на хвосте так близко, как только сможешь. Форсаж включать строго по команде. Ни секундой раньше, иначе угробишь нас ещё до захода во Мрак. Ясно?

– Так точно.

– Консультация окончена. – Холф свернул карту и засунул обратно в планшет. – Вопросы?

– Сегодня будет учебный вылет?

– Да, – последовал ответ. – Даю полчаса на обед и сборы.

– Принято. – Крис отдала честь и отправилась на камбуз.

Установленное время пищепринятия давно истекло, команда разбрелась по местам, и только кок громыхал кастрюлями, насвистывая под нос известную морскую песенку.

Кристиана смиренно уселась на скамеечку в самом дальнем углу. Она давно успела заучить золотое правило кухни, что красовалось над входом в отсек:

«Опоздал – ходи голодный!» – безжалостно гласила надпись.

Да уж. И ведь не поспоришь! Но... может, хоть компот остался? Пожалуйста! Компот!

Крис с надеждой глянула на раздачу. Компота на линии не обнаружилось.

Кристиана вдруг разозлилась. Вот... Павлин! Сам поел, а её без обеда оставил. Негодяй!

Она уже собиралась уйти, но кок – коренастый грузный молчун с тяжёлым взглядом – сунул ей в руки плошку.

– Ешь.

Крис уставилась с благодарностью. Она хорошо знала, как гневается суровый кок на опозданцев: кому-то из матросов однажды прилетело половником в лоб.

– Спасибо, – пролепетала она, краснея.

Кок фыркнул.

– Мастер Холф распорядился. – Кок перекинул полотенце через широкое плечо. – Велел накормить.

«Вот как...» – удивилась Крис, зачерпывая ложкой порядком подстывшее рагу.

– А сам он давно пообедал? – не удержалась от вопроса.

– Не обедал он, – отозвался кок, вернувшись к чистке кастрюль. – Сказал, шибко занят.

Кристиана донесла-таки ложку до рта и принялась задумчиво жевать. Занят, значит.

И чем же он так занят, что пропустил обед? Неужели рассчитывает вероятную траекторию раскрытия? Скорее всего. Дело это непростое и времени требует не час и не два.

«Похоже, Холф всерьёз настроен зайти во Мрак раньше установленного срока, – рассуждала Крис, уплетая распаренные овощи с кусочками тушёной говядины. – Не зря же он её совсем загонял... да и механики денно и ночью колдуют над монопланами под его чутким руководством. Зачем ему это? Любит рисковать? Не исключено. Хотя... Может, он просто хочет раздуть искру угасающей славы?»

Всё возможно...

– Спасибо. – Кристиана вернула коку пустую плошку и уже хотела уйти, но... совесть кольнула в бок острой иглой. Пришлось возвратиться к раздаче. – Извините, а можно спросить?.. – выдавила Крис, сгорая от смущения и неловкости.

Кок смерил её бетонным взглядом.

– Попробуй, – буркнул коротко, и Кристиана, собрав всю имеющуюся храбрость, спросила...

Ник

Этой ночью Никлас тосковал по Петеру особенно сильно. Петер – истинный гений математики – без труда просчитывал самые сложные комбинации, строил траектории, вычислял вероятности. Нику же на проклятушие расчёты понадобилось почти шесть часов, и то – результат вышел сомнительным. Ну не может же быть, что координаты точек раскрытия вообще никогда не совпадают! Бред.

Конденсата в огонь дерьмового настроения подливали бестолковые механики: Ник орал на них всё утро и полдня, но так и не добился желаемого. Вот и сейчас мыкался, тщась объяснить нерадивому наладчику, что трос руля глубины следует подтянуть, а датчик маслорадиатора отрегулировать так, чтобы стрелка не ходила ходуном во время полёта.

– Мастер Холф... – пламенную речь о замене датчика прервали самым беспардонным образом: у моноплана возникла пигалица.

«Неужели полчаса уже прошло? – удивился Ник. – Быстро, однако...»

Ник кашлянул, прочищая горло.

– Что стряслось? – спросил строго.

– Вы ничего не ели со вчерашнего дня, – заявила девчонка и сунула ему в руки свёрток. – Вот.

– Что это? – Никлас вскинул бровь: в свёртке оказался подсушенный в духовке белый хлеб с расплавленным сыром и тонким ломтиком телятины, сваренное вкрутую и уже очищенное яйцо, а ещё огурец – короткий и на удивление колючий.

– Еда, мастер Холф, – последовал ответ.

Ник нахмурился.

– Вижу, что не кус гудрона, – рыкнул он и грозно воззрился на подопечную. – Если вы намеревались добиться нелепой выходкой моего особого расположения, мастрис Шторм, знайте – ничего не вышло.

– Но... – девчонка растерянно захлопала ресницами. – Я же...

– Марш в ангар! – Ник рявкнул так, что вздрогнула не только пигалица, но и наладчик, с интересом наблюдавший за происходящим (лучше б датчик заменил, ей-Богу!). – Вылет через семь минут.

Явным усилием сдерживая слёзы, пигалица развернулась и заторопилась к машине. Она не обернулась, а потому не увидела, как Ник, пристально глядя ей в след, с волчьим аппетитом впился зубами в бутерброд.

Всякий, кто видел в небе пару, мог оценить мастерство пилотов. Слётанность, синхронность, изящество, грация – всё это гипнотизировало, приковывало взгляды. Вот и сейчас на них пялилось, задрав головы, пол авианосца с капитаном Краусом во главе.

Монопланы набрали высоту, зашли на вираж, одновременно крутанулись бочкой, выровняли горизонт, снизились и поднялись снова. Нырнули в облака и тут же вынырнули под лепящие лучи ползущего к закату солнца. Красиво!

– Марш-разворот влево на девяносто, – скомандовал Никлас.

– Есть, – отозвалась пигалица.

– Поворот влево, – коротко бросил Ник. – Полубочка. Снижение.

Девчонка безукоризненно выполнила каждый элемент.

– Отбить заход на посадку.

– Есть отбить заход на посадку, – прошелестело в шлемофоне, и в зеркале на раме фонаря отразились короткие чёткие вспышки: с азбукой Морзе у пигалицы проблем не наблюдалось.

Прожектор авианосца мгновенно ответил добром, и Ник выпустил закрылки – хватит на сегодня.

Ловцы высыпали на ВПП, замахали флажками и грамотно приняли оба моноплана. Пигалица – румяная, растрёпанная, с горящими глазами – выбралась из кабины. Она явно была довольна собой.

Подошла, гордо расправив плечи. Голову вскинула. Ишь, ты. Возомнила себя матёрым асом, не иначе.

– Мастер Холф, – изрекла с вызовом. – Вы удовлетворены вылетом?

«Напрашивается на похвалу», – сообразил Ник и, с великим трудом удержав непроницаемо-кислую недовольную мину, равнодушно бросил:

– Сойдёт. – Улыбка мигом сползла с сияющего личика. – На подготовку другого ведомого всё равно нет времени.

Девушка вспыхнула от негодования, но сдержалась.

– Разрешите идти? – выцедила сквозь зубы.

– Ступайте.

На этот раз Ник не смотрел ей вслед. Да и бутерброда у него не было.

– Осмелюсь заметить, вы чересчур строги с девочкой. – Капитан Краус, как всегда при полном параде, спустился с мостика и встал рядом, прямой и статный, точно памятник. – Если б я не знал вас, мастер Холф, решил бы, что вы расстраиваете её намеренно. Но это ведь не так, верно? Профессионалам подобное совершенно не к лицу. А вы – профессионал.

Льдисто-голубые глаза смотрели пронзительней любого рентгена.

– Разумеется, – Ник выдавил улыбку. – Хорошего вам вечера, капитан.

– И вам, мастер Холф. – Краус коснулся пальцами козырька фуражки.

Никлас отправился в кубрик, скрипя зубами от негодования. Отлично! Великолепно! Её теперь ещё и жалеют! Как же! Бедняжка! Лгунья она, вот кто! Наплела всякой чуши о Петере, лишь бы зацепить его, Ника, интерес и попасть на авианосец. Такая «бедняжка» по головам пройдёт, не спотыкнётся. Обманет, и глазом не моргнёт. А капитан Краус её жалеет. И кок. И старпом. И все матросы до последнего юнга. А всё почему? Потому что она молодая смазливая блондинка. Сиротка. Дочь пропавшего героя, настоящей легенды. Нет уж! Слишком уж много она о себе возомнила, эта сиротка. Придётся слегка сбить ей корону с макушки, не то совсем зазнается. Особенно, после давешнего геройства.

Один случай ещё не показатель. Возможно, это разовая акция. Женщины, как известно, существа не постоянные: сегодня она кидается грудью на амбразуры, а завтра забьётся в угол, начнёт рыдать и звать мамочку. Так что...

Ник почти сбежал с лестницы, когда сирена оглушительно взвыла, оповещая о налёте «Скворцов».

ГЛАВА 10

Ник

– Воздух! Воздух! – гудела тревога.

– Орудия к бою! – скомандовал Краус.

Приказ был выполнен молниеносно, однако Никлас понимал – толку не будет: стрелять по двум «Скворцам» крупным калибром всё равно, что палить из пушки по гнусу. Проклятье! Как им вообще удалось пересечь маскировочный щит?

Первый залп оглушил, а невредимые «Скворцы» с гулом снизились и прошли по «Четыреста Четвёртому» длинной свинцовой очередью. В ответ тут же заработали пулемёты, но тщетно – стальные чёрные птицы ушли из зоны поражения.

– Манёвр! – заорал Краус.

Авианосец развернуло боком очень вовремя: зашедшие на новый круг «Скворцы» разрядили обоймы в бронированную кожу «Четыреста четвёртого», чудом не повредив топливозохранилище с конденсатом.

– Наводка! – командовал капитан. – Правый борт! Огонь!

Шарахнуло так, что Ник едва удержался на ногах. Он вцепился в железные поручни, поймал взгляд капитана и коротко кивнул. Краус кивнул в ответ и гаркнул:

– Монопланы на взлёт!

Никлас бросился к ангару, на ходу кликнув механика – снять крепления, – и у самых машин столкнулся с...

– Какого чёрта ты здесь? Твоё место в каюте! – рявкнул он, но пигалица обожгла его дерзким взглядом, запрыгнула в кабину «Единицы» и врубила двигатель.

– Контакт! – крикнула механику, напялив шлемофон. – От винта!

– Дура! – проорал Ник и сделал то же самое. – От винта!

Механики открепили тросы, и монопланы сорвались с места почти одновременно. Ник стремительно набрал высоту, кружанил и вышел на линию огня. Ближайший «Скворец» мгновенно заглотил наживку: погнался, плотно сев на хвост.

Старая схема...

Со спокойствием удава Ник врубил форсаж, потянул вверх и нырнул в облако. «Акула» перевернулась в петле, и теперь уже Ник зашёл с тыла. Ждать у моря погоды не стал: открыл огонь сразу, как выровнял горизонт. Уйти «Скворец» не успел, загорелся.

– Ну, же, прыгай, стервец, – выцедил Никлас, крепче сжимая штурвал.

Но пилот «Скворца» не прыгнул. Наоборот, начал снижение.

Никлас нахмурился. Погеройствовать решил, скотина? Обрушить горящую машину на транспорт с годовыми запасами конденсата? Или...

«Готовит снаряд», – сообразил Ник.

Выматерившись, Никлас развернул машину и зашёл «Скворцу» в бок, навязывая бой. У пылающего противника шансов имелось немного, но вот его напарник был настроен весьма решительно: очередь грозным стаккато прошла по фюзеляжу «Акулы». Запахло гарью.

– Вот, сволота! – прорычал Ник и разрядил в атакующего всё до последней железки... и всё до последней железки ушло в молоко: «Скворец» дважды кувыркнулся бочкой, ловко выходя из-под обстрела.

– Ах, ты, гадёныш! – Никлас развернул машину под резким углом и добавил скорости.

«Скворец» вышел с ним лоб в лоб и открыл огонь. Теперь кувыркаться пришлось уже Нику.

Они знатно погоняли друг друга, и Ник, исполнив полупетлю, наконец захватил стервеца в мишень.

– Сладких снов, – проговорил он, ухмыльнувшись, нажал кнопку на рукояти и... крепко ругнулся в голос: в обоймах не осталось ни единого патрона.

Пилот «Скворца» оказался не дурак и быстро сообразил, в чём дело. Развернулся и уско-рился, явно намереваясь превратить «Акулу» в решето.

– Плохо дело, – проговорил Ник, с тоской вспоминая забытую в ангаре парашютную сумку.

«Скворец» гнал его к скалам. Узким, высоким и острым, как спицы. Всё, что оставалось – протаранить гада. Впечататься в лоб, да так, чтобы все плоскости к чертям поотлетали. Ник с мрачной решимостью взял курс на врага, но...

Между ним и смертью мелькнула серебристая «Единица»...

Крис

Впервые Кристиана видела «Скворцов» так близко. Иссиня-чёрные, остроносые, сплошь в заклёпках и продольных золотисто-жёлтых мерцающих прожилках, они отличались от всех летательных аппаратов, которые ей доводилось встречать в небе, на аэродромах и даже в книгах о давно минувшей Земной эпохе. Непроницаемое стекло скрывало пилотов от посторонних глаз, а неизвестные Воздушному Союзу технологии позволяли «Скворцам» перемещаться на огромные расстояния без дозаправки. Говорили, будто «Скворцы» могут становиться невидимыми – так хороша их маскировка, – но в это Крис уже не верила.

Уже в воздухе Кристиана сообразила, что в Академии всегда летала с заглушками на пулемётах и условно сбивала условную цель: ни разу в жизни не приходилось стрелять по-настоящему. А теперь? Что теперь?

В том, что боекомплект оснащён по всем правилам, сомневаться не приходилось – Холф из техников всю душу вытряс, проверив лично каждую мелочь. Так что... всё заряжено по полной. А как этим богатством распорядиться, решать ей, Кристиане.

Крис видела, как Холф зашёл на вираж. Нырнул в облако. «Скворец» не успел среагировать и жестоко поплатился: Павлин атаковал молниеносно. Подбил. «Скворец» вспыхнул, но напарник был уже на подлёте – в пламенеющем закатном небе развернулся настоящий поединок: мощная штурмовая «Акула» против загадочного «Скворца». Они гоняли друг друга так, что дух перехватывало, но любоваться высшим пилотажем было недосуг: подбитый «Скворец», грамотно распорядившись неожиданной форой, начал опасно снижаться. Плоскость чёрной машины полыхала, из-под крыла валил чёрный дым, но уходить или прыгать пилот не торопился – твёрдо держал курс на авианосец.

Отчаянный! И, похоже, опытный – заходит так, что сразу не сбить, наводчикам капитана Крауса понадобится пара секунд, чтобы взять его на прицел. И этих секунд вполне хватит, чтобы...

– Сбросить бомбу... – хрипло прошептала Крис и решительно вдавила педаль рулевого управления.

Когда противник – не условный, а самый настоящий – оказался на линии огня, Кристиана, затаив дыхание и закусив губу, нажала спуск. От треска пулемётов чуть не лопнули барабанные перепонки, но лихой «Скворец» играючи ушёл из-под атаки... чтобы тут же разлететься на куски от мощнейшего взрыва: наводчики авианосца успели-таки взять гада на прицел. Она, Кристиана Шторм, выиграла для них заветные секунды.

Взяв резкий угол, Крис развернула «Единицу» туда, где продолжался воздушный бой. Холф и «Скворец» всё больше смещались к острым, как зубы удильщика, скалам, что торчали из гнойно-зелёных облаков испарений и упирались верхушками в самое небо.

Что-то было не так. Крис чувствовала это каким-то необъяснимым внутренним чутьём, но сообразить, в чём именно загвоздка, не получалось. Павлин уже как минимум дважды мог сбить «Скворца» – вот же он, прямо на линии огня! – но...

– Почему ты не стреляешь?.. – пробормотала она себе под нос... и тут до неё дошло.

Холф пуст. Ему попросту нечем атаковать. И он, похоже, задумал идти на таран!

«Ну, уж нет, Павлинчик! – со злостью подумала Крис. – Пока не проведёшь меня сквозь Мрак, никаких тебе героических смертей!»

Переключив тумблер, она активировала ускоритель, и «Единица» устремилась наперерез «Скворцу», оставляя за собой долгий белёсый след...

ГЛАВА 11

Крис

Скворец ушёл. Попросту исчез. Два моноплана и авианосец слишком серьёзный численный перевес, чтобы тягаться в одиночку. Едва Крис взяла чёрно-золотого на мушку, он лихо разлетелся с Холфом, набрал высоту и слился с прозрачным темнеющим небом.

Всё-таки не вдали – маскировка у них что надо!

Похоже, «Скворец» успел зацепить Холфа: из свежих ран на стальной чешуе «Акулы» сочилась чёрная маслянистая «кровь».

Медлить Павлин не стал: взял курс на базу. Благо, «Четыреста четвёртый» подошёл ближе – крылом подать, – и «Акула» без потерь дотянула до посадки.

Встречали их всей командой. Все – от капитана до юнги – обступили монопланы дружной толпой, кричали, галдели, жали руки, а Кок даже стиснул Кристиану в медвежьих объятиях, да так, что кости хрустнули. Холфа пытались качать. Не вышло.

Крис была уверена, первым делом Павлин кинется осматривать повреждения драгоценной «Акулы», но ошиблась. Холф прошествовал к ней, игнорируя радостные возгласы и протянутые для пожатия руки, схватил за локоть и силой поволок в рубку. Грубо толкнул внутрь, запер дверь и навис, точно утёс над берёзкой. Глаза его, как выразилась бы романтическая Тати, метали молнии.

– Ты что же творишь такое, а? – прорычал он. – Нарушаешь прямые приказы командира!

Кристиана почему-то совсем не испугалась. Не покраснела, не закусила губу, не начала лепетать оправдания. Она смотрела на Холфа спокойно и холодно, с безразличием, какое обычно наступает после сильного потрясения, а он кипел.

– Сначала шторм, – перечислял он. – Теперь налёт... Я велел тебе оставаться в укрытии, упрямая ты бестолочь! Одно попадание! Одно! И от тебя даже мокрого места не осталось бы! Дура!

Кристиана посмотрела устало. Напряжение постепенно отпускало, и всё вокруг казалось нереальным, точно сон.

«Может, это и вправду сон?» – подумала Крис.

Уж наверное! Не могла же она, младший инструктор Академии, тягаться со сверхтехнологичными «Скворцами» взаправду!

Или могла?..

Холф продолжал гневаться. А от отсутствия слёз и оправданий расходился всё сильнее. Вон, покраснел даже, как помидор. Вены на лбу вздулись.

Плевать. Если всё не взаправду, ничего он ей не сделает. Да и вообще... Холф сам сказал – на подготовку другого ведомого уже нет времени. Так что...

– При всём уважении, мастер Холф... – Крис перебила его, и Павлин осёкся на полуслове. Смотрел он так, будто с ним внезапно заговорил шкаф. – При всём уважении, но, если бы я выполнила идиотский приказ и засела в укрытии, вас бы... – она стопорнулась, подбирая нужную метафору. Подобрала. – Вас бы размазало!

Павлин уставился во все глаза. На лице его промелькнуло совершенно неопишное выражение – смесь удивления, восхищения и, кажется, одобрения (но это не точно). Уголок губ чуть заметно дёрнулся.

– Да, я был бы размазан, – нарочито пафосно изрёк Холф. – Но размазан достойно! Как подобает герою.

Крис глянула с подозрением. Показалось? Нет? Нет, не показалось! В карих глазах плясали чертенята. Причем отжигали так, что не улыбнуться в ответ оказалось совершенно невозможно.

И Кристиана улыбнулась. А Холф уселся на стол. Вздохнул.

– Кристиана... – Он впервые назвал её по имени, и Крис вздрогнула, мгновенно обратившись в слух. – Если вы погибнете, ваш опекун меня размажет гораздо основательнее парочки «Скворцов».

Ах, вон оно в чём дело...

Крис вздохнула, повесила голову и уставилась на порядком запылившиеся носки своих сапог.

– Не размажет, – сказала тихо, и голос предательски дрогнул. – Вам не стоит беспокоиться о гневном грандмастера Лунца. К тому же... – она вскинула голову и поймала взгляд Холфа. – Я лучше умру, чем вернусь под его опеку.

Кажется, Холф опешил. Вникать Крис не стала – метнулась к двери.

– Разрешите идти! – выпалила она и, не дожидаясь ответа, вылетела из рубки.

Глаза щипало от подступивших слёз.

Ник

«Дорогой Петер!

Утром получил весточку из госпиталя. Военврач сообщил, твоё состояние стабилизировалось, и угроза жизни миновала. Для меня это великая радость: теперь отправлюсь на задание со спокойной душой. До вылета нам остались считанные дни.

Как долго пробуду во Мраке не знаю и загадывать боюсь: сам знаешь, там даже время порой наперекосяк движется. Ты за меня не тревожься – геройствовать не планирую. При самых дерьмовых раскладах организую пару кругов по первым слоям, установлю место предполагаемого сигнала и сразу обратно. Сомневаюсь, что «Бесстрашный» уцелел. Скорее всего, это очередная злобная выходка Мрака. Он горазд на такие штуки. Помнишь, мы угодили в лабиринт миражей и чуть не расшиблись о скалы? А тот случай с призрачным галеоном? Вот и сейчас петрушка из той же оперы, сердцем чувю.

Кстати, девчонка, возможно, не так уж безнадежна. Смелая. Но безрассудная до одури! А меня, похоже, совсем не боится. Оно и к лучшему: трусам во Мраке не место.

Поправляйся скорее, Петер. Бионические протезы вернут тебя в строй, и мы снова будем летать вместе. Но сперва выпьем. Крепко и основательно. За встречу. В том Эйрийском кабачке в Рябиновом проулке. Помнишь, как тискал там грудастую брюнетку, а она оказалась медичкой из комиссии? Эх, были времена! Но ты не дрейфь, всё ещё навестаем.

Пиши, как сможешь, старина. Тоскую по тебе, твой Ник».

Дата. Подпись.

Никлас пробежался глазами по написанному, удовлетворился и, аккуратно сложив лист, сунул в конверт. Старательно вывел адрес, а марку выбрал самую красивую – с нарядным бипланом времён Второй войны. Осталось отправить. Но это завтра, а пока...

Никлас плеснул себе коньяку: после такого дня не грех и выпить. Мысли роились стаями, и требовалось хоть немного привести их в порядок.

Первое. Откуда здесь «Скворцы»? Это безопасный квадрат, обнесённый маскировочным щитом. Впрочем... Петера тоже сбили в безопасном квадрате. Если «Скворцы» так запросто наловчились проходить заслоны – дело дрянь. Не сегодня завтра они атакуют скважины добычи, а следом – парящие города, и тогда пиши пропало.

Второе – «Скворечник». База, с которой неопознанный враг совершает налёты. Матрос «Четыреста четвёртого» до самой смерти повторял это слово в бреду. Видел «Скворечник» во

Мраке? Возможно. Но... почему никто прежде не обнаружил объект? Ник сам летал во Мрак не раз и не два, но не встречал ничего даже отдалённо напоминающего секретную авиабазу.

Третье. Девчонка далеко не дура. В белокурой голове, видать, имеются кой-какие извилины. Сообразила заманить одного «Скворца» под удар и спугнуть второго. И держится достойно: не жалуется, не ноет, по полной выкладывается. На кой ляд ей понадобилось лгать насчёт Петера? В чём смысл? И, самое главное, те её слова про Лунца... «Я лучше умру, чем вернусь под его опеку», кажется так. Ник задумался. Вообще, богатенькие детки из благополучных семей склонны драматизировать. Может, Лунц запретил своей драгоценной воспитаннице встречаться с неподходящим парнем и тут же сделался врагом номер один... или что-то в этом роде. Скорее всего, так и есть. Но тот её взгляд...

Никлас сделал глоток, вспоминая, как серо-зелёные глаза наполнились слезами. Ох, женщины! Чувствительный народ. И все терзания, как правило, из пальца высосаны.

«Ничего, – подумал Ник, усмехнувшись. – Зайдём во Мрак, все терзания разом на второй план отойдут. А после даже не вспомнятся»

Никлас прикончил коньяк одним махом и растянулся на узкой койке, заложив руки под голову. Он умел засыпать быстро. Жаль, не умел избавляться от снов.

Митавский Крейсер шёл низко и на сигналы не реагировал. Предупреждения сыпались, как из рога изобилия: «вы зашли в закрытое воздушное пространство Воздушного Союза, – снова и снова повторяла база. – Немедленно смените траекторию полёта!», но всё как об стенку горох. Ноль реакции. Ни ответа, ни привета.

– Барс, Ирбис, – раздалось в шлемофоне. – Это Тайга. Как слышно?

– Слышно нормально, – отозвался Ник. – Какие указания?

– Движение объекта над секретными базами необходимо предотвратить, – последовал ответ. – Действуйте согласно должностным инструкциям.

– Принято, – бросил Ник.

– Принято, – эхом повторил Петер.

Холод за бортом стоял жуткий. Обработка от обледенения выручала, но близилась снежная буря, от которой не поможет уже ничего. Белые хребты ледников и острые пики айсбергов проплывали внизу, молчаливые и статные, а ветер выл, подгоняя пургу, точно возница залежившуюся лошадь. Ещё немного, земля, небо и горизонт сольются, растворившись в бесноватой метели.

Никлас поправил очки.

– Начать снижение.

– Есть начать снижение, – откликнулся Петер, и монопланы синхронно взяли угол. – Как думаешь, если подарю Риане ту брошь с аметистом, она отгадет?

Ник хмыкнул.

– Ри застучала тебя с другой, старина, – сказал, приближаясь к объекту. – Молись, чтобы она не вонзила тебе эту брошку в глаз.

– Ольга для меня ничего не значит! – заявил Петер. – Зайдём с подветренной стороны?

– Давай.

Они дали круг и заняли нужный эшелон.

– Мы встретились всего раз, – продолжил Петер. – Обсуждали живопись.

– Разумеется, – усмехнулся Ник. – Сигнал.

– Есть сигнал.

Петер отбил светом: «Вы сбились с курса и вошли в закрытое пространство Воздушного Союза. Просим срочно покинуть квадрат!»

Прожектор крейсера ответил молчанием. Ник нахмурился. Одно дело не реагировать на радиопередачи – от частых возмущений Мрака аппаратура могла запросто выйти из строя, но не заметить светосигналы с такого расстояния... Странно. Они что там, слепые?

– Повторить, – скомандовал он.

– Есть, повторить. – Петер продублировал сигнал. А затем ещё раз. И ещё. Молчание. – Ничего не понимаю.

– Я тоже. – Ник вдавил педаль и дал вправо. Петер последовал за ним.

Крейсер шёл слишком медленно, вот и приходилось нарезать круги. А буря всё приближалась. Морозные узоры бежали по стеклу кабины, на горизонте поднимался снег, и ветер гудел уже громче моторов.

– Петер, – сказал Ник. – Предупредительный залп.

Петер ответил с небольшой задержкой. Бросил короткое «Есть», и его машина плюнула огнём в холодную белую мглу.

Реакции не последовало: чёртов крейсер продолжал двигаться над закрытым квадратом, как ни в чём не бывало.

– Однако... – протянул Петер, присвистнув.

Ник выругался.

– Подходим на максимально близкое. За мной.

Пурга сжирала видимость. Разглядеть что-либо не представлялось возможным, но...

– Эй, Ник, смотри! – голос Петера аж звенел. – Вон, на бортах и корме. Видишь?

– Что там? – Ник сощурился.

– Похоже, аппаратура.

Ник пригляделся. Да, очень похоже. Специальные камеры для съёмки и записи в экстремальных условиях. Умно, ничего не скажешь! Шпионы под видом гражданского судна... Вот, дерьмо!

Ник врубил рацию.

– Тайга, – выпалил коротко. – Тайга. Это Барс. Приём. Как слышно?

В ответ раздались помехи, да такие, что Ник едва не оглох, а потом всё резко стихло. Связь вырубилась, будто её и не было.

Проклятье!

Ник чуть снизился. Стиснул штурвал.

Ему сказали, действовать по инструкции. А какая может быть инструкция, когда рядом идёт крейсер, под завязку нашпигованный камерами и ещё бог весть чем? Только одна. Только одна...

– Огонь на поражение, – хрипло скомандовал он.

– Уверен? – с сомнением спросил Петер.

«Нет»

– Огонь!!! – Ник зажал спуск, и пулемёты разразились очередью.

Они с Петером атаковали одновременно. Словно в тумане, Ник видел, как вспыхнул злощастный объект. Как переломились мачты, а дымоходы и топливный бак разворотило взрывами. Но хуже всего...

Люди. Самые обычные люди. Женщины. Дети. Старики. Они высыпали на палубу и кричали. Так кричали! Крейсер треснул пополам и, залитый огнём и кровью, рухнул в пучину белого, отравленного ядовитыми испарениями, безмолвия.

Двести девяносто семь ни в чём не повинных беженцев. Погибли. Все до одного...

Ник – насквозь мокрый от пота – приглушённо застонал, дёрнулся и сел. Над койкой стояла пигалица. Она трясла его за плечо и смотрела испуганно.

– Вы в порядке, мастер Холф?

– Более чем. – Ник схватил с узкой полки кружку, плеснул воды на ладонь и обтёр лицо. Фыркнул. – Чего тебе?

– Я принесла еды. – Пигалица продемонстрировала одноразовый контейнер.

Никлас воззрился на неё с удивлением, и девчонка объяснилась:

– Вы пропустили ужин. А до этого обед. Если вы заморите себя голодом, мне не с кем будет лететь во Мрак: искать нового ведущего уже нет времени.

Никлас не смог сдержать улыбки. И хоть она вышла кривой, девчонка улыбнулась в ответ.

ГЛАВА 12

Крис

«Милая Тати!

Счастлива получить твоё письмо, а уж тем более с такими добрыми вестями! Поздравляю с успешной сдачей экзамена и безмерно горжусь тобой! Ты молодчина!

Как там новая соседка? Уже подружились? Уверена, вы поладите: Дария славная.

А у меня чудесная новость! Холф согласовал вылет, и нам дали добро, представляешь?! Мы отправимся уже завтра, и я буквально сгораю от нетерпения! Сегодня мне точно не уснуть, милая моя Тати.

С тех пор, как я писала тебе о налёте, «Скворцы» не показывались ни разу, но капитан всё равно увёл авианосец в центр квадрата и подал запрос на усиление штурмового контингента. Холф считает это правильным, ну а я... Я не могу думать ни о чём, кроме предстоящего вылета! Наверное, невесты так чувствуют себя в канун свадьбы. Волнительно так, что голова кругом!

Обо мне не тревожься: Холф тот ещё выпендрёжник, но пилот, надо признать, толковый, опытный. С таким во Мрак лететь не страшно. Правда, он всех тут совершенно загонял: и меня, и техников, и операторов, что отслеживают движение лунок. Очень уж он требовательный: придирается к каждой мелочи, ворчит, всё проверяет по сто раз. Недавно заставил меня трижды укладывать парашют, представляешь? Совершенно непонятно, зачем... Хотя, может, оно и к лучшему: основательная подготовка ещё никому не вредила.

Так что жди меня с рассказами о приключениях. Я вернусь, возьмём вина, сладостей и устроим грандиозную ночёвку! Обсудим всё и всех!

Люблю тебя и очень скучаю. Ты пиши, обязательно пиши! Капитан сбережёт твои письма до моего возвращения, и я прочитаю все разом.

Целую и обнимаю крепко-крепко. Твоя Крис».

Кристиана написала письмо вчера, а казалось минула неделя – таким насыщенным выдалось начало дня. Холф поднял её в три утра. После лёгкого, состоящего из двух сваренных вкрутую яиц и подрумяненного в духовом шкафу хлеба, завтрака, они отправились укладывать парашюты. Запасные. Основные были уложены с вечера. Потом два часа кряду выверяли технические показатели, приводили в боевое соответствие личное оружие и даже кобуру: смотрели, легко ли выходят из неё пистолеты. Лишь когда Холф полностью удостоверился, что всё в норме, подошла очередь пополнить запасы конденсата. По утверждённой смете им выделили четыре ёмкости – по две на нос, – но Холф упёрся рогом и настоял на ещё одной резервной. Крис только диву давалась, какой он зануда: известно же, одной макроёмкости конденсата хватит на двести сорок часов полёта. Зачем им так много? Неужели Мрак настолько велик?

Видимо, сомнения отразились на лице, потому что Холф глянул на неё и выдал:

– На входе понадобится мощный рывок. Расход будет в два, а то и в три раза выше нормы. Так что крепи запас и не возмущайся.

– Но я ничего не говорила!

Холф удобнее перехватил канистру и подал механику.

– Зато громко думала. Который час?

– Четверть седьмого.

– Отлично. Самое время наведаться к операторам. Ты распорядилась насчёт воды?

– Так точно, – бойко сообщила Крис. – Вода заготовлена. Расчёт по два литра в сутки.

– Мало.

Крис уже собралась закатить глаза, но вовремя одёрнула себя. Вдруг и сейчас она громко думает?

– Хорошо, я попрошу ещё, – с трудом сдерживая раздражение, выцедила она.

– Уж будь любезна. – Холф наконец закончил с топливом. – И поторопись: через двадцать минут запрашиваю вылет.

– Я буду готова через десять, – мрачно посулилась Крис.

Холф же, не обращая никакого внимания ни на неё, ни на её посулы, бодрым шагом заспешил в операторскую – смотреть прогнозы движения лунок.

Ник

От чёртовых лунок зависело многое, если не всё. Рассчитай траекторию неверно, и всё – пиши пропало: сплющит, как виноградину под прессом, даже мокрого места не останется.

– Точность прогноза? – спросил Ник, когда старший оператор подал чертёж.

Зелёные точки означали относительную устойчивость лунок, красные – хаотичный разброс. Зелёных точек на схеме не наблюдалось вовсе. Это тревожило.

– Восемьдесят четыре процента.

– Перепроверьте. – Ник протянул чертёж обратно.

– Вычисляли трижды.

– Перепроверьте!

Старший оператор скосоротился.

– Будет сделано, – изрёк без особого энтузиазма и крикнул: – Эй, Лех! Заряжай астролябию.

– Как? – послышалось из недр операторской. – Опять?

– Не опять, а снова, – недовольно буркнул старший оператор. – Мастер Холф недоволен прогнозами.

– Мастер Холф всегда всем недоволен! – откликнулся Лех, не зная, как близок к провалу.

Старший оператор спал с лица, но Ник и не подумал обижаться. Не до этого было.

– Пересчитайте, – с нажимом повторил он.

Нужна была зелёная зона. Хотя бы одна! Но Ник не тешил себя иллюзиями, понимал, что шанс появления зелёного коридора ничтожно мал. Один к тысяче... и это в лучшем случае.

Но всё-таки... Всё-таки пусть пересчитают. А вдруг!

Лех раскочегарил астролябию, старший оператор кликнул спецов и засел за приборы, но чуда не произошло. Не помогло даже то, что Ник скалой стоял за спинами операторов, скрестив руки на груди и грозно нахмутив брови.

Увы... Чертёж пестрил красным, а уровень точности вырос аж на четыре процента.

Что ж...

– Мда... Безопасность миновала... – пробормотал Ник, рассматривая схему.

Старший оператор глянул с пониманием.

– Каждые тридцать секунд мы будем сообщать об изменениях, – уверил он. – Первая же лунка минутной устойчивости будет наша.

– Мне хватит сорока секунд, – серьёзно заявил Ник.

– Тогда в чём проблема? – удивился старший оператор.

Никлас вздохнул и с тоской посмотрел на палубу, что виднелась из круглого оконца операторской. По палубе, шатаясь, ковыляла пигалица. Красная как помидор, она тащила воду, огромную бутылку литров на двадцать пять.

– В ней.

– Повтори, – потребовал Никлас так строго, как только мог, и по обыкновению скрестил руки на груди.

Пигалица набычилась, раздувая ноздри.

– Я же только что... – начала она, но Ник не дал закончить.

– Повтори! – рявкнул, стукнув кулаком по столу. Действенный метод. Особенно для таких вот белокурых принцессок.

Пигалица шумно выдохнула, выразительно возвела глаза к небу, но подчинилась.

– Обеспечить постоянную бесперебойную связь, – затянула зазубренную фразу. – Если в эфире тишина, отбивать сообщения светом. Если световой сигнал передать невозможно, сообщать о проблеме покачиванием с крыла на крыло.

Ник удовлетворённо кивнул и тут же озадачил снова:

– Расстояние до ведущего.

– Минимальное четыре метра, максимальное – одиннадцать.

Ник снова кивнул.

– Держись за мной след в след, – сказал то, что говорил уже раз двадцать, если не больше. – Оторвёшься, считай всё. Это ясно?

– Ясно.

– Если придётся прыгать, постарайся не утробиться, – между делом бросил Ник и командовал: – По машинам!

– Есть по машинам! – пигалица аж просияла, козырнув, и рванула к серебристой «Единице».

Никлас вздохнул, проводив её взглядом. Вот, радость-то! Глупая наивная девчонка...

Он ловко запрыгнул в кабину «Акулы», пристегнул ремни парашютной сумки, надел шлемофон, стянул очки на глаза. Щёлкнул тумблером.

– Конденсат, – затянул привычную молитву.

– Уровень конденсата в норме, – откликнулась пигалица.

– Давление.

– Давление в норме, – звучал в шлемофоне девчачий голосок. – Приборы исправны. Связь работает в штатном режиме.

– Это ненадолго, – буркнул Ник.

– Что?

– Ничего. Взлёт разрешаю. – Он переключил все необходимые рычаги. Мотор утробно зарычал. – Контакт! От винта!

Техники сняли крепления, машины пронеслись по укороченной ВПП и одновременно взмыли в воздух.

ГЛАВА 13

Крис

Штурвал опасно задрожал в руках.

– Скорость ветра пятьдесят четыре узла! – отрапортовала Кристиана. – Расстояние до поверхности Мрака шестнадцать метров. Пятнадцать. Четырнадцать...

– Отставить, – отозвался шлемофон голосом Холфа. – Лунка не открылась. Заходим на круг.

– Есть заход на круг.

Кристиана вдавила педаль и дала крен вслед за ведущим. Это был их четвёртый заход. К сожалению, он оказался таким же безнадёжным, как первые три: лунки-проходы открывались не там, где надо, тут же схлопывались или не появлялись вовсе.

Холф запретил паниковать, сказал, что такое в порядке вещей, а если её не устраивает, то она – Крис – может прямо сейчас отправляться на лужок танцевать среди кукол и котят.

Крис не знала, где найти лужок с котятками, поэтому упрямо нарезала круги близ поверхности Мрака. Поверхность шипела, выла и плевалась молниями.

– Ещё раз по той же схеме, – скомандовал Холф.

– Есть, – отозвалась Крис.

Эфир вдруг разразился треском, а стрелки приборов заходили ходуном.

«Сильное возмущение», – сообразила Кристиана, и тут же уловила пробившийся сквозь помехи сигнал.

– Барс, Гроза, при...м. Ка... сл...ш-ш-ш...но? Пере...даём ко...рди...ты... Приём! Пр...ш-ш-ш...ём! Широта... два...емь...осемь...сят... Долгота... Ш-ш-ш-ш-ш...

– Слышимость ниже среднего, – отчеканил Холф. – Прошу продублировать светом.

Связь пропала. Отключилась напрочь, прямо как тогда, во время битвы со «Скворцами». Крис нервно сглотнула и уставилась на впереди идущую «Акулу» – как же теперь маневрировать?

«Без паники, – просигналил фонарём Холф. – Держись меня. Сейчас войдём»

Мощный прожектор «Четыреста четвёртого» был виден даже сквозь пепельно-серое марево туч. Три короткие вспышки. Пауза. Две длинные. Пять коротких. Длинная...

– Оператор передаёт координаты, – Крис позабыла, что рация мертва, ка камень, и машинально проговорила вслух данные: долготу, широту, диаметр раскрытия, длительность и устойчивость.

Вариант не идеальный, но лучше, чем ничего.

«За мной», – просигналил Холф, и Крис дала влево.

Ветер усилился. Теперь он доходил до восьмидесяти узлов, а может и больше – приборы по-прежнему бесновались: стрелки дёргались, как бешеные. Пепельные тучи стали угольными, а полыхающие внутри красные молнии делали их похожими на врата в преисподнюю. Закрытые врата.

«Единицу» затрясло, и Крис стиснула штурвал так, что пальцы побелели. Расстояние до поверхности Мрака стремительно сокращалось, а прохода всё не было. Ели лунка не откроется...

Холф не поворачивал. Двигался вперёд, как упрямый смертник. Хотя... Почему «как»? В той схватке со «Скворцом» Холф не моргнув глазом вышел на таран лоб в лоб. Он не страшился смерти. Совсем. Крис осознала это только сейчас, и всерьёз испугалась: разве можно назначать таких на сверхопасные задания? И вдруг поняла.

Только таких и можно.

Двенадцать метров до столкновения. Одиннадцать. Десять...

Ну же, Холф. Дай сигнал к развороту. Ну, же! Сигнал!

Девять. Восемь. Семь...

– Форсаж! – хрипло выплюнула внезапно ожившая рация, и Крис щёлкнула тумблером за мгновение до того, как перед ведущим раззявила округлую пасть гигантская воронка.

Лунка раскрылась на полную... и тут же начала стремительно сужаться – мгновение, и схлопнется. Но своевременно врубленный форсаж решил дело: «Акула», а следом «Единица» с рёвом вклинились в проход. Тяжёлые плотные тучи тут же сомкнулись, и монопланы оказались в тоннеле беснующихся, пронизанных молниями завихрений.

Крис чудом удерживала штурвал. Машину теперь не просто трясло. Её, как выразился бы угрюмый Кок с «Четыреста четвёртого», колбасило! Фюзеляж дребезжал. Плоскости скрипели. Обшивка трещала, словно вот-вот лопнет, разойдётся по шву, точно старая рубашка. «Единицу» мотало из стороны в сторону, и только мощное ускорение позволяло держать нужный курс.

О связи здесь, в воронке, глупо было даже вспоминать: из строя в мгновения ока вышло всё, что только может выйти. В том числе сама Крис. От перегрузки носом пошла кровь, одежда взмокла от пота, а сердце подскакивало куда-то к горлу и рикошетило потом в желудок. Перед глазами мельтешили разноцветные мошки. Уши заложило намертво.

Холф растворился в плотной вате свинцовых туч, и Крис почти отчаялась, но чудом разглядела вдалеке мерцающий фонарь «Акулы».

«Если жива, держи курс».

«Есть!» – спешно отбила Кристиана.

Она прибавила скорости, выжимая из «Единицы» все соки. Стрелка уровня конденсата лежала на нулевой отметке, периодически дёргаясь до максимальных значений. Высотометр умер, и определить горизонт не представлялось возможным. Единственное, что оставалось неизменным в бушующем, свистящем, воюще-дребезжащем вихревом потоке – сигналы «Акулы». Холф давал дежурную вспышку раз в полминуты, и Кристиана следовала за спасительным мерцанием, как привязанная.

«Я не отстану, – повторяла она себе, жмурясь от ярких вспышек огненно-красных молний. – Ни за что не отстану. Не потеряюсь. Я пройду. Смогу. Сдую. Я сделаю это... ради отца!»

Она закусила губу, собираясь с силами... и «Единицу» потрянуло особенно сильно. Мир погас. Исчезли молнии, смерчи, воронка. Исчезло всё вообще. Абсолютная глухая темнота проглотила моноплан, как кашалот моллюска. Кристиана задышала часто и рвано. Зажмурилась. Мотнула головой – не помогло: паника затопляла сознание лавиной.

«Я умерла, – мгновенно решила Крис. – Умерла или ослепла!»

И в тот самый момент, когда она едва не выпустила штурвал из ослабевших рук, ожива рация.

– Гроза, – через хрипы и треск прорвался голос Холфа. – На связи Барс. Как слышно?

Кристина ощутила на губах солёный привкус. Слёзы бежали из глаз сами собой, и остановить их не получалось.

– Барс, приём, – усилием воли Крис подавила всхлип. – Связь в норме.

– Гроза! Приём! Как слышно?! – повторил Холф уже с раздражением, и Крис обругала себя, осознав промашку. – Как слышно? Отвечай!

– Слышно хорошо! – отозвалась она наконец.

– Так почему не отвечаешь?

Кристиана вспыхнула. Вот же...

– Я забыла переключить рычажок, – созналась нехотя.

Крис ждала ругани. Не дождалась.
– Цела? – спросил Холф.
– Цела.
– А машина?
– В норме.
– Хорошо, – сказал Холф. – Зона видимости через семь минут.
– Я не вижу сигналов! – озвучила Крис главную тревогу.
– Разумеется, – холодно проговорил Холф. – Мрак жрёт свет. Весь свет. Удерживай курс. Я тебя проведу. Делай всё, что велю. Ясно?
– Так точно, – пролепетала Крис, украдкой шмыгнула носом и крепче сжала штурвал.

Ник

Девчонка оказалась цепкой.
«Ниже», – командовал Ник, и она снижалась.
«Левее», – и она послушно давала крен.
«Угол сорок пять!» – и пигалица разворачивала машину с точностью до градуса.
Ник уже хотел было её похвалить, но прогнал от себя нелепую идею: жить захочешь, ещё не так раскорячишься. А девчонка совершенно точно погибать не собиралась.
Они вышли в зону видимости, и свет ударил по глазам. Ник сощурился.

Проклятье...

Первый слой Мрака открылся перед ними во всей своей неприглядной красе.

Свинцовое небо, на котором ни луны, ни солнца, ни звёзд, и только далеко впереди, на горизонте, тусклое зеленоватое свечение. Под монопланами вместо облаков стелились тени. Длинные и странные, они напоминали огромные дирижабли и эсминцы, а ещё – первые парящие галеоны времён рассвета воздушной эпохи.

Иллюзии. Корабли-призраки. Бесплотные образы, сбивающие с толку даже опытных пилотов.

– Гроза Барсу! – раздалось в шлемофоне. – Приём! Приём! Как слышно?

– Приём, Гроза. Связь в норме. Что там у тебя?

– На пятнадцать часов наблюдаю абрис «Бесстрашного». Начать снижение?

«А вот и первая жертва...» – устало вздохнул Ник. Однажды они с Петером точно так же попались на крючок, угодили в гравитационную петлю и едва не погибли.

– Отставить снижение, – проговорил бесцветно. – Это мираж.

– Но... На палубе люди! Они машут руками, зовут на помощь!

– Отставить, я сказал! – пришлось добавить голосу стали, а то мало ли, действительно надумает снижаться. С неё станется. – Держать курс.

– Есть держать курс.

Пигалица звучала расстроенной. Нику вдруг стало стыдно за резкость. Девчонка старается. Выполняет все указания, не перечит и вопросов лишних не задаёт. Надо бы её ободрить...

– Смотри в оба, – приказал Ник. – Заметишь ещё что-то необычное – сразу сообщай. Поняла?

– Так точно! – в этот раз откликнулась с энтузиазмом.

Эх, молодость!..

На самом деле, Ник был старше пигалицы всего на шесть лет, но... в боевой авиации год идёт за два. Столько всего случилось за время службы, страшно представить. У него вон и седина уже пробивается. А девчонка... она просто девчонка. Грезящая о приключениях дочь великого героя и воспитанница мэра. Уму непостижимо, как Лунц отпустил подопечную на смертельно опасное задание. И не просто отпустил, а считай благословил! Странная забота.

Впрочем, это их дело. Это во-первых. А во-вторых – сейчас, когда пигалица идёт ведомой, поздновато рассуждать о причинах её назначения. Главное теперь – не дать ей погибнуть. И задачу эту полковник Хей (будь он неладен!) возложил на него, Никласа Холфа, ветерана проклятуших Трёх Войн и героя злополучной Лаамской битвы...

Зелёное свечение на горизонте усиливалось, становилось ярче, и тени таяли одна за другой. Внизу под ними обнаружилась изрытая чёрными дымящимися кратерами поверхность. Из земли торчали обугленные остовы строений, засохшие деревья тянули к небесам изломанные руки-ветви.

Обычное дело – после войны Ник повидал немало таких пейзажей. Но вот здоровенные каменные блоки, плиты, балки и целые фрагменты разрушенных зданий, падающие не вниз, а вверх можно было увидеть только во Мраке.

Каменный мусор падал... а точнее взлетал очень и очень медленно. Плавно, неспешно. Зависал в воздухе, словно тополиный пух в погожий июньский денёк.

Ник щёлкнул тумблером.

– Барс Грозе. Приём. Как слышно?

– Приём! – бодро откликнулась пигалица. – Связь в норме.

– Впереди гравитационная аномалия. Приготовиться к маневрированию.

– Есть! К маневрированию готова!

Ник усмехнулся. Вот ведь... Только-только начала летать, а уже орлица. Готова она! Ну-ну. Посмотрим.

Он уверенно повёл «Акулу» навстречу парящим каменюкам. Серебристая «Единица» бодро последовала за ним.

ГЛАВА 14

Крис

Маневрировать Крис умела и любила – заслуженная пятёрка красовалась в дипломе, – но к тому, что открылось глазам, жизнь её не готовила: огромные каменные глыбы поднимались вверх, будто их тянуло гигантским магнитом.

– Это... как так?.. – пробормотала она вслух, напрочь забыв о включённой рации.

– Это Мрак, – тут же отозвался Холф. – Тут и не такое бывает. Их не обойти, придётся прорываться. Готова?

– Так точно.

Всё оказалось гораздо проще, чем думалось изначально. Глыбы, оцетинившись торчащей арматурой, парили так медленно, что обойти их не составляло труда.

Да, странно. Необычно и пугающе. Но всё же вполне реализуемо. Главное, не торопиться.

Холф осторожно взял вправо, потом резко влево и быстро набрал высоту. Крис в точности повторила манёвр. Потом снизилась, ныряя под надвигающуюся пустотку размером с ангар. Плита прошла над ней плавно, чинно и даже немного торжественно, словно парящий круизный лайнер.

Впереди, в облаке из кирпичного крошева, болтались в воздухе обломки фундамента. Холф уверенно направил «Акулу» вперёд, рассчитав траекторию аккуратно по центру образовавшегося коридора. Крис нырнула следом. Перевернулась полубочкой, уходя от столкновения с железобетонной балкой, и выровняла горизонт.

Ничего сложного. Абсолютно ничего. Монопланы лавировали между парящих руин так ловко, будто месяцами репетировали эффектный пролёт для столичного авиашоу. Не хватало только музыки – «Голубой Дунай» Штрауса отлично подошёл бы – и оваций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.